
КИР С. ЧЕЙН
НЕОНОВЫЙ ОХОТНИК
18+

Кир Чейн

Неоновый охотник

«Автор»
2026

Чейн К. С.

Неоновый охотник / К. С. Чейн — «Автор», 2026

В Астра-Полисе действует один закон: железо и магия не уживаются в одной шкуре. Чистокровные эльфы Элизиума правят со стеклянных террас и презирают хром. Внизу, под вечным кислым дождём Жёлоба, люди, орки и гномы гниют в долгах и сходят с ума от дешёвых имплантов.Полуэльф Кайлан Вейн — вольный охотник с сорок седьмого яруса. Киберглаз, списанный боевой протез вместо левой руки, тяжёлый револьвер под вольфрамово-серебряные пули. Он чистит коллекторы и шестнадцать лет пытается забыть ночь, когда мать ушла с корпорацией «АстраТех», бросив его умирать в грязи.Но рядовой заказ в стоках выводит на след проекта «Возрождение». За Кайланом идёт киборг из его прошлого, а беглая аристократка открывает правду: его мать жива, и скоро её сожгут в квантовом реакторе ради власти над магией. Чтобы добраться до вершины шпиля, придётся собрать самую грязную команду города — и заплатить живой плотью.

© Чейн К. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Ноябрь в Секторе 12 6
Глава 1. Хром и кислый дождь 11
Глава 2. Горелое серебро 20
Глава 3. Приглашение из-под купола 28
Глава 4. Сиреневый Зов 34
Глава 5. Полевой тест 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Кир Чейн
Неоновый охотник

Все события, организации и персонажи данного произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны.

Пролог. Ноябрь в Секторе 12

«…ввиду нестабильности объекта и риска несанкционированной утечки генетического материала до завершения фазы испытаний, Департамент перспективных разработок санкционирует немедленное изъятие субъекта И-14. Сопутствующие биологические единицы, представляющие ценность для линии наследования, подлежат первичному тестированию в полевых условиях. При невозможности фиксации — списать по статье техногенного инцидента.»

Внутренний меморандум корпорации «АстраТех», гриф «Чёрная спираль», 14 ноября 80 г. П.П.

Дождь в ноябре над Сектором 12 падал не каплями, а густой, маслянистой серой завесой, которая за полчаса превращала шлаковую насыпь у старой сортировочной станции в липкую чёрную кашу. Сюда, к самой кромке бетонной стены Периметра, давно не ходили грузовые составы: рельсы, положенные ещё до Ночи Стеклянного Дождя, утонули в жёстком бурьяне и ржавом ломе, а пустые пролёты погрузочных эстакад гудели на ветру, как пробитые медные трубы в заброшенной водокачке. Вода стекала с обломанных бетонных плит грязной серой бахромой и глухо булькала в размытых канавах. Тянуло мокрым креозотом, сырой глиной и той сладковатой гарью, что всегда приносил западный ветер со стороны мусоросжигательных печей Жёлоба.

Шестнадцатилетний Кайлан сидел на корточках в полутора метрах от зева обвалившейся дренажной трубы, подтянув колени к подбородку и вжимаясь лопатками в холодную, скользкую от мха бетонную стенку. Истоптанные ботинки промокли насквозь ещё у сортировочной насыпи, пальцы ног занемели, и он то и дело шевелил ими в мокрых носках, чтобы хоть немного прогнать озноб. В правой руке он до белизны в костяшках сжимал полметра рифлёной арматуры, обмотанной у конца тряпкой, чтобы не сдирать ладонь. Четыре года назад, когда Кайлану только исполнилось двенадцать, мать спалила лабораторные серверы и бежала из корпорации; с тех пор они перебивались по самым глухим углам нижних секторов, чурались камер и жили впроголодь. Последние два года снимали крохотную клетушку с гнилыми половицами и трещиной по потолку над прачечной в Секторе 8. Там у него был складной нож с наборной ручкой, но нож остался под доской пола, когда три недели назад корпоративные ищейки снова взяли след матери и им пришлось срываться в ночь, уходя по подвалам к Сектору 12. Остались и книги, и старый свинцовый солдатик без головы, и хоть какое-то подобие крыши. Теперь на всё про всё у них имелся протёртый брезентовый мешок, две фляги кипячёной воды, арматура и вот эта труба, пахшая ржавчиной и дохлыми крысами.

Глубже в бетонном чреве тихо щёлкнул затвор полевого аккумулятора. Голубоватая искорка выхватила из потёмок худое лицо Илириэль: острые, чуть впалые скулы и тёмные круги под глазами, каких не бывает у эльфиек её лет. Светлые волосы, некогда гладкие и густые, как речной шёлк, она скрутила в небрежный узел и стянула обрывком медной проволоки; поверх выцветшей куртки лаборанта висела чужая, великоватая в плечах брезентовая накидка. Мать сидела на перевёрнутом пластиковом ящике, держа на коленях помятый металлический кейс с тонкими оптоволоконными хвостами, и быстро набирала что-то на тусклом экране старого терминала.

— Снова глушат. — Илириэль не подняла головы. Голос звучал ровно, но Кайлан хорошо знал эту отрывистую, ломкую интонацию: так мать говорила, когда по ночам пересчитывала остаток кредитов в клетушке над прачечной или смотрела на трещину в потолке, с которой капало в таз. — Средний диапазон забит белым шумом уже четверть часа. Значит, они вышли за эстакаду.

— Может, просто патруль по стене? — шёпотом спросил Кайлан, вглядываясь в мутную пелену за бетонным обрезом. Там, сквозь косые струи ливня, едва угадывались костлявые силуэты портовых кранов, давно застывших над пустыми путями. — Вчера ведь тоже гоняли дрон над пустырём. Покружил и ушёл обратно к Жёлобу.

Илириэль захлопнула крышку терминала. Её серые глаза, такие же, как у него, только без отцовской человеческой грубоватости в разрезе век, блеснули в полумраке, а губы тронула усталая, горькая усмешка.

— Муниципальные дроны не кладут эфирную сетку по нижнему контуру, Кай. У города на такое нет ни денег, ни мозгов. Это «АстраТех».

Она перегнулась к нему, шурша мокрым брезентом, и коснулась его замёрзших костяшек. Горячая, шершавая ладонь чуть подрагивала, как бы мать ни старалась унять эту дрожь. Разжав его левую руку, Илириэль вложила туда что-то плоское, лёгкое, ломкое на вид. Кайлан опустил глаза. На ладони лежал иссохший лист ольхи, темноватый по краям, с едва заметной серебристой сеткой прожилок, сложенных в тончайшую руническую вязь. От листа шло слабое, непривычно живое тепло, как от согретого солнцем камня.

— Я же просил не давать мне эту штуку, — хмуро буркнул он, сжимая челюсти. — Я не маг, мам. У меня от твоих рун только голова трещит, как после удара.

— Не спорь. — Мать сама сомкнула его пальцы вокруг листа, и от жёсткой, чужой ноты в её голосе Кайлан сразу умолк. — Спрячь во внутренний карман, ближе к груди. И слушай меня внимательно. Если сейчас сюда зайдут, ты не машешь этой железкой, не строишь из себя героя и не бежишь за мной. Ты уходишь по боковому переливу, через старую решётку, которую мы расшатали вчера. Выйдешь к товарному депо, а оттуда наверх, в Кузню. Найдёшь там мастера по имени Бруннар, гнома со сломанным носом, он держит лавку связи у третьего пресса. Скажешь, что ты от Илириэль из отдела биосинтеза.

— Я никуда без тебя не полезу! — голос Кайлана сорвался на мальчишескую хрипоту, от которой ему самому стало стыдно. — Слышишь? Если они придут, я им…

— Ты им ничем не помешаешь, сынок, — перебила она, и в голосе её прорвалась такая безнадёжная, выжженная усталость, что у Кайлана похолодело под ложечкой. — У них на поясах боевые нейрошокеры и глушители Эфира, а у тебя в руке ржавый прут. Я не прятала тебя четыре года по трущобам и не таскала три недели по подвалам и помойкам, чтобы смотреть, как тебя пристрелят из-за моей работы. Пообещай мне.

Он не успел ответить.

Где-то снаружи, метрах в сорока за насыпью, утробно ухнул тяжёлый дизельный движок. Бесшумные электромоторы в такой распутице вязли, и потому «АстраТех» на грязные выезды гонял старые полноприводные фургоны с гусеничным подхватом. Два бледных конуса фар, пробивая завесу дождя, скользнули по ржавым опорам эстакады, вырвали из мрака мокрые кусты чертополоха и упёрлись в склон оврага. Зашуршал щебень под грубыми подошвами. Не один. Трое, может, четверо. Шли не спеша, не таясь, уверенной поступью наёмников на почасовой ставке, которым совершенно плевать, кто именно забился в нору впереди.

Илириэль вмиг переменилась. Исчезла усталая беглая женщина; плечи её выпрямились, пальцы левой руки легли на помятый корпус кейса, и в узком пространстве трубы вдруг стало трудно дышать, как перед ударом летней грозы. По бетонному своду пробежала еле слышная мелкая рябь, стряхнув с потолка капли ржавой воды.

— В перелив, Кай, — одними губами велела она и, не дожидаясь ответа, шагнула вперёд, заслоняя его спиной. — Живо.

Но он не шагнул назад. Может, из дурной мальчишеской гордости, может, оттого, что страх вдруг сварился внутри в тугую, колючую злобу, за которую мать всю жизнь его ругала. Он прижался к сырой стенке в шаге позади неё, перехватив арматуру обеими руками.

Первым из дождливой мути вынырнул высокий широкоплечий мужчина в длинном прорезиненном плаще цвета мокрого сланца. Подол его плаща был заляпан шлаковой грязью до самых колен, а большой палец правой руки лениво и привычно лежал у спусковой скобы оружия. Корпоративной брони на нём не было: только лёгкий кевларовый нагрудник под распахнутым воротом, потрёпанные армейские берцы да укороченный, массивный дуговой резак-карабин на трёхточечном ремне поперёк груди. Свет налобного фонаря одного из напарников чиркнул по его лицу, и Кайлан на всю жизнь запомнил этот облик: спокойное, обветренное лицо усталого наёмника лет сорока, светлая щетина, глубокий зубчатый шрам под левой скулой и притуплённый, сонный взгляд выцветших сизых глаз. Мужчина остановился в трёх шагах от зева трубы и неспешно перекатил за щекой кусочек горького мятного корня. Даже сквозь сырость до Кайлана донёсся резкий аптечный дух. Приподняв ладонь в кожаной перчатке, наёмник придержал двоих бойцов в чёрных шлемах за своей спиной.

— Госпожа Вейн. — Хрипловатый, будничный баритон, каким здороваются со старой знакомой на утренней пересадке монорельса. — Бросьте эту затею. Мокро тут, да и вы сами знаете, что наш глушитель на крыше фургона уже прогрелся. Потянете Эфир, получите откат прямо в зрительный нерв. Кому от этого польза?

— Тебе, Грейв. — В голосе Илириэль зазвенело колючее эльфийское высокомерие, которого Кайлан дома почти не слышал. — За живую голову платят вдвое больше, чем за пепел. Ты ведь ради этого сюда тащился, верно?

Наёмник по имени Грейв досадливо скривил губы, как человек, которому опять наступили на больную мозоль.

— Я тащился сюда, потому что закладная на квартиру на севере Среднего кольца сама себя не закроет, госпожа Вейн. Выходите спокойно, положите кейс на гравий. Заказчик слово дал: парня не тронут. Мне лишняя мокруха на совесть тоже ни к чему.

— Заказчик? — Илириэль рассмеялась так тихо и неживо, что у Кайлана мороз пробежал по хребту. — Он уже проболтался, кому именно я нужна, или ты до сих пор веришь, что везёшь меня подписывать бумагу о неразглашении? Посмотри наверх, на насыпь. Он ведь сам приехал. Не доверил даже тебе.

Кайлан невольно скосил глаза туда, куда кивнула мать. Вверху, на кромке оврага, за тусклым светом фургонных фар действительно стоял высокий человек с неподвижной, прямой спиной. Светлое кашемировое пальто белело в этой грязи нелепым чистым пятном под широким чёрным зонтом. Лица его в темноте было не разобрать, но от того, как он смотрел вниз, не делая ни шагу к раскисшему склону, веяло сытым, лабораторным равнодушием. У Кайлана свело челюсти.

— Контракт есть контракт, — устало ответил Грейв и кивнул бойцам. — Забирайте кейс. Аккуратно. Без стрельбы.

Двое в чёрных шлемах шагнули в трубу.

Что случилось дальше, Кайлан потом годами пытался собрать по осколкам, как склеивают разбитую чашку, в которой не хватает половины черепков. Один из бойцов грубо рванул Илириэль за плечо, отшвыривая к бетонной стенке, чтобы выбить кейс. Мать охнула, ударившись затылком о мокрый камень, и в голове у Кайлана что-то лопнуло со стеклянным треском. Он не подумал ни о глушителе на фургоне, ни о клятве матери. С хриплым, звериным рыком выскочил из-за её спины и со всей шестнадцатилетней дурью обрушил арматуру на шлем ближайшего наёмника.

Железо звонко скрежетнуло по композитному визору. Боец пошатнулся, выругался, отступив на шаг, а второй, стоявший правее, сработал на чистом рефлексе, без сантиментов. Вскинув обрезанный дуговой резак-шокер, рассчитанный на вскрытие замков и усмирение взбесившихся кибер-грузчиков, он нажал спуск почти в упор.

— Стой, идиот! — рявкнул Грейв, бросаясь вперёд, чтобы сбить ствол. — Приказ был живым…

Опоздал на полвдоха.

Голубая плазменная дуга с противным, режущим уши визгом полоснула по бетонному полу, ударила Кайлана по вскинутой инстинктивно левой руке, разрывая рукав и плоть, и брызнула веером раскалённого шлака прямо в лицо. Боль пришла не сразу: сначала был только режущий белый провал справа, вонь горелой ткани и собственный чужой, тонкий крик, долетевший издалека, как из соседнего двора. А потом из самой глубины груди, там, где под рубахой лежал сухой ольховый лист, рвануло наружу нечто чужое, древнее и совершенно слепое.

Ударная волна безымянного Эфира, не знавшего ни формул, ни плетений, развернулась внутри бетонной трубы, как заряд в стволе пушки. Глушитель на крыше фургона наверху взвизгнул и лопнул снопом зелёных искр; старый прожектор на столбе у насыпи взорвался стеклянной пылью. А прямо перед Кайланом не выдержал чудовищного эфирного скачка дуговой резак в руках второго бойца: перегретый эмиттер с резким металлическим хлопком разорвался, выплюнув веер раскалённой шрапнели. Один оплавленный, острый как зубило осколок вонзился Кайлану глубоко в левое плечо, под самый сустав, обжигая мышцу до кости. Двоих наёмников в шлемах швырнуло наружу, в грязь, мешками с мокрыми опилками; Грейва отбросило к самому обрыву, так что он едва удержался на ногах, вцепившись пальцами в скользкий бурьян.

А Кайлан рухнул на колени прямо в ржавую лужу. Левая рука ниже локтя висела непослушным, дымящимся обрубком, на который он боялся даже глядеть, а выше, в плече, пульсировал раскалённый клин засевшего железа; правый глаз заливало горячим и липким, а в ушах стоял такой высокий, нестерпимый стеклянный звон, что шум ливня провалился куда-то далеко, за толстую ватную стену. Его вырвало жёлчью прямо на гравий; воздух свистел в лёгких, но не доходил до груди.

Илириэль упала рядом на колени, не глядя на стылую воду, трясущимися пальцами сорвала с шеи шарф, пытаясь перетянуть его изуродованное предплечье. Губы её быстро двигались, но сквозь наплывавший шум крови в висках долетали только рваные слоги, тут же тонувшие в звоне.

Потом наверху, у самой кромки оврага, хрустнул щебень.

Светлое кашемировое пальто остановилось в пяти шагах, ровно на границе твёрдой щебёнки и грязи. Чёрный зонт чуть приподнялся, открывая бледный, гладко выбритый подбородок и светлые, совершенно спокойные глаза. Человек под зонтом чуть наклонил голову, оглядывая мальчишку, как удачный образец на лабораторном столе, и спокойно, не повышая голоса, что-то сказал. Слов Кайлан не расслышал, но увидел, как застыли перепачканные его кровью пальцы матери на узле шарфа, а лицо её сделалось белым, как известь на стенах морга.

Она поднялась, оставив помятый кейс у колена. В её ладонях легко вспыхнуло тусклое, колючее серебряное сияние, от которого у Кайлана заныли зубы, а вставший на ноги Грейв тут же отшатнулся, вскидывая карабин. Илириэль отрывисто, зло выкрикнула человеку под зонтом несколько фраз; ветер снёс их в сторону, оставив только яростный блеск её серых глаз. Незнакомец в светлом пальто не отступил ни на полшага. Спокойно кивнув в знак согласия на условия торга, он едва заметным движением пальцев в тонкой кожаной перчатке велел Грейву опустить ствол и коротко отдал приказ, указав подбородком на распростёртого в грязи мальчишку.

И тогда случилось то, чего Кайлан не мог понять ни в ту минуту, ни спустя шестнадцать лет.

Серебряный свет в ладонях матери погас. Она опустилась перед ним на одно колено, но не коснулась его обожжённой щеки, боясь, что прикосновение заставит её передумать. Накло-

нилась к самому уху и быстро, сквозь ватный гул, прошептала единственное, что пробилось в его гаснущее сознание:

— Живи, Кай. Не ищи меня. Просто живи.

А потом она встала, спокойно подобрала кейс с мокрого гравия и пошла вверх по скользкой насыпи к светлому кашемировому пальто, к слепящему белому свету корпоративных фар, ни разу не оглянувшись.

Кайлан хотел закричать, хотел вцепиться здоровой рукой в край её брезентовой накидки, дёрнуть назад, но горло свело судорогой, и из груди вырвался только сиплый, булькающий хрип. Холод подступал от самых пяток, поднимаясь к горлу вязкой чёрной водой. Последнее, что он различил прежде, чем провалиться в липкую темноту, было лицо наёмника с зубчатым шрамом под скулой. Грейв присел перед ним на корточки, сокрушённо вздохнул, выплюнул в грязь разжёванный корень и туго, сноровистым движением бывалого солдата затянул поверх материнского шарфа армейский резиновый жгут, стараясь не задеть торчащий из плеча оплавленный осколок.

— Дурак ты, остроухий, — пробился сквозь гул его хриплый голос; наёмник щёлкнул колпачком одноразового автошприца с мутным обезболивающим. — Ну куда ж ты с железякой на резак полез… Терпи давай. Приказ — оставить тебя живым у входа в нижний сектор. Подкину к спуску в Кузню, под козырёк. Если кто из ваших подберёт, вытянешь.

Игла кольнула в шею, мир провернулся вокруг своей оси и погас, оставив после себя вкус горелого металла на языке, белый свет фар на уцелевшей сетчатке и прямую, спокойную спину матери, уходившей в дождь вместе с теми, кто его искалечил.

Глава 1. Хром и кислый дождь

«Биопротез четвёртого поколения „Валькирия-IV“ от корпорации „АстраТех“: полная синхронизация с нервным волокном, встроенный демпфер эфирных помех, гарантия двенадцать лет. Почувствуйте разницу между компромиссом и совершенством.»

Из рекламной голограммы в переходе сорок седьмого яруса. Ниже, поцарапано отвёрткой по пластику: «Продам почку, куплю „Валькирию“. Без торга. Хромой Оскар».

На сорок седьмом ярусе Жёлоба утро определяли не по солнцу — живой свет не пробивался сюда уже полвека, увязая в семидесяти этажах бетонных переходов, труб и рекламных ферм, — а по двум верным приметам. Сначала в старом чугунном стояке за стеной начинал сипеть и булькать утренний пар, а минут через десять сквозь щель под дверью вползал густой, сладковато-приторный дух пережаренного соевого масла: внизу, на галерее, старик Чжао разогревал вок для ночных сменщиков, возвращавшихся с сортировочных цехов.

Кайлан Вейн сидел на краю продавленного дивана, уронив локти на колени, и без особого энтузиазма разглядывал гранёный стакан в здоровой руке. На самом донышке плескалось на палец мутноватой янтарной жидкости. «Красный Ржавец» был синтетическим самогоном, который гнали где-то в подвалах у третьей насосной из кормовых дрожжей, жжёного сахара и, судя по вкусу, отработанной тормозной жидкости. Эльфийское нёбо, доставшееся Кайлану от матери вместе с узкими, заострёнными кончиками ушей и проклятой привычкой просыпаться от любого шороха, сворачивалось от этого пойла в трубочку. Зато отцовская человеческая печень требовала налить ещё, хотя бы чтобы заткнуть тягучую ломоту под левым плечом, где живая кость срасталась с титановым стаканом протеза.

На улице снова шёл дождь. В Астра-Полисе вода никогда не долетала до нижних ярусов чистой: пробиваясь сквозь выхлопные факелы, фильтры верхних куполов и пыльные шлейфы эфирного смога, она превращалась в едкую серую взвесь, от которой на дешёвом пластике за сезон проступала белёсая сыпь, а старый хром тускнел, как оловянная ложка. Капли монотонно колотили по наклонному козырьку за мутным окном, и в такт им мелко, по-старчески подрагивал на подлокотнике дивана левый протез Кайлана, «Коготь» третьего поколения, купленный десять лет назад с рук у мародёров после бойни на Южном пирсе. Сервопривод в локте снова поймал сырость: стоило пошевелить пальцами, как внутри кожуха раздражающе щёлкала изношенная втулка.

Кайлан отхлебнул из стакана, поморщился, как от проглоченного гвоздя, и поставил стекло на заваленный барахлом стол. Стол заменял ему и верстак, и кухню: рядом с немытой кружкой из-под растворимого синт-кофе громоздились разобранный латунный ускоритель заряжания, потёртый кожаный патронташ, баночка ружейной смазки, пачка гильз и увесистый, в два пальца толщиной, кованый тесак из чёрной стали, рукоять которого была туго перетянута потёртой костяной лентой. Чуть поодаль, на стопке старых каталогов по техническому обслуживанию, пыхтел и грелся проектор «Токугава-4», чья помутневшая линза вечно уводила синий спектр в больную болотную зелень.

Над проектором в мутном воздухе висела улыбчивая дикторша с пронзительно-голубыми, вырезанными из рекламного стекла глазами: работа дорогой клиники с верхних террас.

— …и уже с понедельника клиники-партнёры корпорации «АстраТех» открывают запись на установку биопротезов нового поколения «Валькирия-IV»! — щебетала голограмма, демонстрируя идеально гладкую, обтянутую перламутровым полимером руку, на запястье которой плавно крутилась стилизованная буква «А», переходящая в двойную спираль. — Благодаря запатентованному контуру гашения ваша кибернетическая конечность сохранит стопроцентный отклик даже в зонах повышенного эфирного фона!

Кайлан чуть прищурил левый, живой глаз, а правый, киберокуляр «Сокол-2М» с блёклым синим ободком, привычно переключился на анализ кадра, набросив поверх улыбчивой девушки тонкую сетку служебных маркеров. Под глянцевой оболочкой рекламного ролика тут же проступили грубые швы цифровой дорисовки: модель в студии вообще не имела протеза, её живую руку просто закрасили хромом на монтаже.

— Тьфу ты, жульё, — хрипло пробормотал Кайлан, дотягиваясь до тумблера. — «Контур гашения». Хотел бы я посмотреть на этого умника, когда его перламутровая игрушка заклинит в трёх метрах от разъярённого эфирного ползуна.

Он щёлкнул кнопкой. Голограмма с тонким писком свернулась в зелёную точку и погасла, оставив комнату в сером, сыром полумраке. Над входной дверью тут же, дождавшись темноты, замигал тусклый красный огонёк домового терминала: счёт за аренду конуры просрочен на шесть дней, триста двадцать кредитов, пеня начнёт капать с полуночи. Кайлан глянул в угол дисплея «Сокола», где высвечивался остаток на его личном чипе: сорок семь кредитов и двенадцать сотых. Хватит ровно на неделю лапши у Чжао, и то без «Ржавца», либо на место в общей утилизационной печи, если не привередничать с гробом.

Локтевой сустав «Когтя» снова резко щёлкнул и прихватил пальцы мёртвой судорогой. Кайлан с чувством выругался сквозь зубы, хлопнул ладонью по титановому предплечью, заставляя заедавшую шестерню сорваться с места, и поднялся с дивана. Сначала нужно заглянуть к Мареку, пока рука окончательно не отвалилась, а потом в «Отвёртку», к Бруннару. Если старый гном за три дня не нарыл ни одного контракта хотя бы на пять сотен, придётся продавать запасной индукционный конденсатор от «Громовержца» или лезть в долги к скупщикам с сорокового, а это хуже, чем спать в обнимку с голодной гаргульей.

Он накинул на плечи длинный, потёртый до глянцевых сгибов плащ из промасленной парусины — высокий, жёсткий воротник хорошо прятал от чужих глаз и острые уши, и синее мерцание окуляра, — застегнул на поясе пустую кобуру под «Шершень» (сам пистолет брать в клинику было ни к чему, Марек терпеть не мог, когда ему трясли железом перед носом) и вышел на галерею.

***

Сорок седьмой ярус жил своей вечной, суетливой, пропитанной паром жизнью. Узкие металлические мостки, перекинутые над пропастью вентиляционного колодца, были забиты народом: работяги в промасленных комбинезонах толкались у прилавка Чжао, обжигаясь горячим бульоном из бумажных стаканов; двое молодых орков с переносным сварочным баллоном тащили по решётчатому настилу кусок срезанной где-то медной шины и громко спорили, сколько за неё даст скупщик; под покосившимся козырьком ломбарда, где фиолетовым неоном мигала облупленная руна удачи, тощий старик в грязном балахоне тряс жестяной кружкой и сипло вещал прохожим, что Ночь Стеклянного Дождя была лишь первым звонком, а скоро город провалится в Эфир целиком. Никто не кидал ему ни единого мелкого жетона. В Жёлобе в конец света верили все, просто у большинства до конца света оставалось ещё две смены на заводе и долг по квартплате.

Кайлан спустился по железной винтовой лестнице на три яруса ниже, лавируя между потёками ржавой воды, стекавшей сверху прямо на головы зевакам. На сорок четвёртом было потише и погрязнее. Здесь, в узком тупичке за вывеской полузаброшенной химчистки «Белый лотос», из-под которой вечно тянуло хлоркой и перепревшей шерстью, скрывалась неприметная стальная дверь с помятой табличкой: *«Ремонт мелкой бытовой техники и оптических приборов. Вход со двора»*.

Кайлан трижды стукнул костяшкой живой руки и один раз стальным пальцем. Щёлкнул засов, дверь приоткрылась ровно на ширину цепочки, и в щель уставились усталые, прищуренные за толстыми стёклами очков глаза, над которыми топорщились клочковатые седые брови.

— Опять ты, остроухий? — проворчал из-за двери сиплый, прокуренный голос. — Деньги принёс или опять будешь мне рассказывать, как тяжело нынче честному наёмнику?

— Принёс тебе работу, Марек. — Кайлан придержал плечом мокрый край воротника. — Пусти, за шиворот льёт.

Цепочка звякнула, и дверь распахнулась. Клиника Дока Марека Ковальского занимала бывшую котельную: низкий сводчатый потолок, оплетённый трубами, кафельные стены с облупленной зелёной краской, единственное стоматологическое кресло со вспоротым и заклеенным серой лентой дерматином да длинный стальной стол, заваленный пинцетами, платами, шприцами и баночками со спиртом, в которых плавало что-то неопределённо-розовое. Пахло здесь не больницей из верхних ярусов, а старой полевой медсанчастью: йодом, канифолью, карболкой и дешёвым самокруточным табаком.

Сам Марек, кряжистый, сутулый мужчина лет под шестьдесят в серой майке и заляпанном давними пятнами резиновом фартуке, уже шлёпал в стоптанных шлёпанцах обратно к своему столу. Пальцы его обеих рук, когда он не держал инструмент, жили отдельной жизнью: мелко, непрерывно подрагивали, отголосок давней контузии в войнах за корпоративные концессии. Стоило, однако, ему взять скальпель или микропаяльник, как дрожь обрубало начисто.

— Садись, раздевайся. — Не оборачиваясь, лекарь ткнул подбородком в сторону кресла. — Только сапогами мне подножку не обдери, я её вчера изолентой перемотал. Что на этот раз? «Сокол» опять полосит?

— «Сокол» терпит, только тепловизор на сырость врёт на полсекунды. — Кайлан сбросил набрякший водой плащ на крюк у входа, стащил через голову выцветшую футболку и плюхнулся в холодное кресло, вытянув на металлический подлокотник левую руку. — Локоть прихватывает, Марек. С утра два раза клин поймал. Нажмёшь кисть, и стоит колом, пока не стукнешь.

Марек обернулся, смерил его взглядом поверх сползших на кончик носа очков, крякнул и подошёл с маленькой отвёрткой и налобным фонариком.

— Конечно, стоит колом, — проворчал он, ловко поддевая защёлку сервисного кожуха на титановом предплечье. Пальцы его вмиг сделались твёрдыми и цепкими, как у часовщика. — Этому «Когтю» сколько лет? Двенадцать? Пятнадцать? Его ещё при прошлом совете директоров списали, когда ты под стол пешком ходил. Ох ты ж дрянь…

Он присвистнул, посветив внутрь раскрытого механизма. Кайлан скосил глаза: там, среди тесного сплетения сервоприводов, гидравлических трубок и тонких шлейфов, виднелась почерневшая, обглоданная гарью изоляция на главной контактной шине.

— Ты где её так подпалил, а? — Марек поднял на него острый, совсем не стариковский взгляд. — В трансформаторную будку без перчаток лазил? Или опять со своим гномом какую-то палёную дрянь в стоках ковыряли?

— Никуда я не лазил, — буркнул Кайлан, чувствуя, как при прикосновении стального щупа к оголённому контакту по плечу пробегает неприятный, кислый прострел. — Неделю сидел дома, выбивал долг у ростовщика с сорок второго, и то обошлось без стрельбы. С чего бы ей гореть?

Марек ничего не ответил. Он взял тонкий пинцет, осторожно отвёл в сторону жгут проводов и посветил глубже, к тому месту, где металл манжеты уходил прямо в бледную, испещрённую старыми шрамами кожу чуть ниже плечевого сустава. За стеной мерно заворочался отжимной барабан химчистки; больше в котельной не раздавалось ни звука.

— Слушай меня сюда, Вейн. — Марек отключил налобный фонарь и снял очки. — Я тебе не мальчик из эльфийской академии, я за двадцать лет в Жёлобе вскрыл больше битых имплантов, чем ты выпил своего помойного самогона. Когда протез коротит от сырости, горит плата на входе или щётки мотора. А у тебя изоляция оплавлена *изнутри*, от самого нервного

разъёма. И по краю рубца, где шлейф сидит на плечевом сплетении, кожа тёмная, жжёная током изнутри наружу.

Кайлан отвёл взгляд на полку с банками. Под левым плечом и правда уже второй месяц жила колючая жгучесть. Не обычная фантомная ломота, к которой он давно привык, а злое жжение, похожее на зуд перед сменой погоды.

— Ну, может, дешёвая прошивка глючит. Ставил-то мне его ещё старый Ганс, будь ему там покойно, а тот половину контактов на слюни сажал.

— Не ври врачу, дурень, — оборвал Марек. — Тебе, полукровка, в голову хоть раз приходило, почему чистокровные эльфы сверху, со всеми их миллиардами, ходят с живыми руками и глазами, даже если их трамвай переедет? Регенерацию за сто тысяч платят, органы в чанах растят, только бы ни грамма хрома в тело не совать. Потому что железо и Эфир не уживаются в одной шкуре, Вейн. Хром глушит живой ток, как свинцовая пробка в трубе. Если у человека или у таких, как ты, в крови сидит хоть капля дара, а поверх него намертво ввинчен титановый штырь, рано или поздно эта пробка начнёт греться. А потом либо разъём сгорит, либо мозг вскипит. Слышал, как называют тех, у кого Эфир прорвал старый имплант?

— Слышал. «Сквеллеры». Оболваненные психопаты из стоков, которые бросаются на всё, что пищит.

— Вот именно. Только те обычно ловят дурь от краденых боевых чипов, а у тебя… — Марек покачал головой, порылся в жестяной коробке на столе и выудил оттуда потёртый сервопривод с обрезанными проводами. — Ладно, не моё собачье дело, чего ты там в себе носишь. Втулку я тебе сейчас перекину с дохлого погрузчика, шину перепаяю и кину поверх двойную слюдяную обмотку, чтобы не било на корпус. Но запомни мои слова, Кайлан: если почувствуешь, что в глазу перед приступом белые мушки пошли, а в зубах вкус меди встал, бросай всё и неси ко мне задницу. На вскрытии я тебя собирать не нанимался.

Он щёлкнул паяльником; по котельной поплыл острый, домашний дымок канифоли. Следующие двадцать минут Марек работал молча, сопя носом и изредка вполголоса чертыхаясь на кривые руки покойного мастера Ганса. Кайлан терпел, сжимая подлокотник здоровой рукой, пока в плечо несколько раз ударяли резкие, злые уколы тестовых импульсов. Когда Марек наконец захлопнул крышку кожуха и проверил ход пальцев — стальные фаланги сомкнулись плавно, без скрежета, — Кайлан с облегчением перевёл дух и полез в карман за расчётным чипом.

— Сколько с меня, док? У меня сорок с хвостиком на счету, остальное занесу к концу недели.

Марек даже не глянул на чип, только брезгливо отмахнулся тряпкой, вытирая пальцы от смазки.

— Убери свои гроши, смешить народ не надо. Втулка бэушная, работы на полчаса. Найдёшь приличный контракт, принесёшь двести кредитов и бутылку нормального ячменного, а не той отравы, которой ты себе желудок лудишь. И вот ещё что… — Он задержал взгляд на Кайлане, когда тот уже натягивал футболку. — Бруннар вчера заходил, спрашивал тебя. Сказал, что прораб какой-то с седьмого сектора обрывал ему линию всю ночь. Будь там поаккуратнее, парень. С очистных на днях слесаря притащили в городскую травму. Ожог странный: как от дуговой сварки, только без копоти.

— Учту, Марек. Спасибо.

— «Спасибо» в стакан не нальёшь, — проворчал лекарь, уже отворачиваясь к своим банкам. — Вали давай, мне ещё курьера со сломанной ключицей шить.

***

Бар «Отвёртка» на сорок первом ярусе занимал бывший распределительный зал старой насосной подстанции, и за тридцать лет никто так и не удосужился содрать с бетонных стен пожелтевшие таблички *«Не влезай — убьёт»* и *«При прорыве и пожаре вызывать техслужбу*

9-04». Напротив, хозяин заведения, Жирный Томас, бывший механик грузовых дирижаблей с массивной латунной накладкой вместо нижней челюсти, гордился этим интерьером и утверждал, что лишняя штукатурка только мешает нормальному работяге пить.

В полдень народу было немного: трое техников в заляпанных комбинезонах резались в кости в углу под шипящей неоновой вывеской «Пиво — живое и синтетическое», у стойки клевал носом тощий курьер с облезлым нейропортом за ухом, да у дальней перегородки, заваленной старыми схемами и вырезками из жёлтых таблоидов, сидел Бруннар Келлер.

Увидев Кайлана, Жирный Томас молча кивнул, так что латунная челюсть тихо щёлкнула, и без слов плеснул из-под стойки в мутный стакан полпальца тёмного ячменного пива. Кайлан покачал головой — перед делом пить он не любил, тем более после утреннего «Ржавца» — и прошёл прямо в дальний закуток.

Бруннар (в Жёлобе его звали просто Гномом, и он давно перестал на это злиться, утверждая, что короткое прозвище экономит клиентам время) сидел, навалившись широченной грудью на залитый пивом столик, и сердито тыкал стилусом в треснутый экран древнего учётного планшета. Рыжая с густой проседью борода его была аккуратно заплетена в две тугие косы и заправлена за нагрудный клапан потёртого технического жилета, чтобы не влезла в станок или в тарелку. На перебитом в молодости носу сидела нелепая, но чертовски дорогая латунная оправа с тремя откидными линзами. Трофей ещё с тех времён, когда Бруннар числился старшим инженером-связистом в самом «АстраТехе», пока его не выкинули на улицу после неудачной ревизии с волчьим билетом и пустыми карманами.

— О, явился, — не поднимая глаз от планшета, просипел Бруннар. Голос у него гремел, как старый дизельный генератор в морозы. — Я уж думал, ты там, на своём сорок седьмом, окончательно сросся с диваном и начал давать споры. Садись, остроухий, не маячь над душой. Свет загораживаешь.

— Свет здесь загораживает слой жира на плафоне, Бруннар. — Кайлан отодвинул скрипучий железный стул, сел напротив и положил на стол левую руку, намеренно звонко стукнув титановыми костяшками о столешницу. — Марек сказал, ты меня с ночи ищешь. Опять какая-нибудь вдова потеряла домашнего техно-хорька в вентиляции?

Бруннар оторвался от экрана, откинул самую толстую линзу монокля и цепко оглядел сначала лицо Кайлана, потом свежий шов герметика на стыке кожуха «Когтя».

— Ага, значит, у старого хрыча уже побывал, — хмыкнул он, придвигая к себе пузатую глиняную кружку со стаутом. — Ладно, хвалю. Хоть мозгов хватило с гнилой рукой на дело не переться. Не хорёк, Кай. Всё куда веселее, и платят не консервами, а живыми кредитами.

— Выкладывай. — Кайлан откинулся на спинку, скрестив руки на груди. — Только без твоих обычных сказок про «лёгкую прогулку на полчаса». После прошлой «лёгкой прогулки» на Южном складе я три дня выковыривал дробь из плаща.

— Да брось ты ныть, как баба на базаре, — отмахнулся Бруннар, но в глазах его, прищуренных и хитрых, мелькнула тёплая искорка. За шестнадцать лет — с того промозглого утра, когда гном подобрал у спуска в Кузню полуживого, перетянутого армейским жгутом мальчишку с обожжённой рукой и изуродованным лицом, сквозь бред хрипло твердившего имя Илириэль, и на руках дотащил его на сорок четвёртый к Доку Мареку, — он видел Кайлана всяким: и злым до трясучки, и пьяным в стельку, и едва живым после неудачных контрактов. И каждый раз ворчал на него ровно тем же тоном, каким ворчал бы на собственного непутёвого племянника. — Слушай сюда. Знаешь Карла Ветрова?

— Старший прораб с муниципальных очистных под седьмым сектором? — Кайлан чуть нахмурился. — Слышал. Говорят, жмот редкий, на фильтрах экономит так, что у него в смене люди через год кашляют кровью.

— Жмот-то он жмот, но сейчас у него задница горит синим пламенем, а когда у жмота горит задница, кошелёк у него открывается сам собой. — Бруннар понизил голос и наклонился

через стол, так что от него пахнуло крепким хмелем и машинным маслом. — Короче, на четвёртой насосной, это пятый уровень Подбрюшья, у него четыре дня назад начались чудеса. Сначала пропали двое обходчиков. Ладно, подумал Ветров, нажрались или ушли в обходчики к частникам. Потом сдохли датчики давления на главном коллекторе, причём автомат-то ладно, кабель в стене оплавился до меди, как от удара молнии. Позавчера он загнал туда ремонтную бригаду с дежурным охранником. Через сорок минут выскочили обратно белые, как сметана. Одного слесаря, молодого пацана, еле дотянули до лифта: сапоги на нём приплавились к полу, на боку ожог с ладонь, орёт, что там в темноте ходит какая-то тварь ростом под два с лишним метра, со стеклянной башкой и раскалёнными штырями вместо пальцев.

Кайлан неторопливо забарабанил пальцами здоровой руки по краю стола.

— Техно-призрак в очистных? — скептически приподнял он бровь. — Бруннар, ты же инженер, не мели ерунды. В пятом уровне под седьмым сектором от Эфира одна мёртвая стоячая муть, там стоки с химзаводов текут. Эфирная тварь в такой кислоте за час рассыплется в пыль. Скорее всего, какой-то бродячий кибер-психопат сбежал от коллекторов, засел в тепле у насосов и гоняет слесарей промышленным резаком. Или сами работяги Ветрова вырезали медный кабель на продажу и сочинили страшилку про призрака, чтобы списать недостачу.

— Я ему сказал слово в слово то же самое, — спокойно согласился гном. — И знаешь, что он ответил? «Если это алкаши с резаком, тем лучше, пусть твой парень выбьет им зубы и вернёт мне насосную. А если нет…» Короче, Ветров не может звать ни городскую стражу, ни службу безопасности «АстраТеха», чей коллектор идёт этажом выше. Приедет комиссия, закроют узел на карантин на две недели, впаяют штраф, и тендер у него тут же отберут конкуренты. Ему нужен тихий специалист. Без протоколов и лишних вопросов.

— И сколько этот благотворитель готов выложить за тишину?

Бруннар хмыкнул, глядя в свою кружку с самым невинным видом.

— Пятьсот кредитов по факту зачистки. Ну и мои скромные десять процентов за наводку и пропуск вниз.

— Пятьсот? — Кайлан тихо, без веселья рассмеялся и потянулся к краю стола, делая вид, что встаёт. — Бруннар, ты в зеркало смотрелся? У тебя из-под жилета скоро рога вырастут. Пятьсот кредитов — это спуститься в подвал и перестрелять стаю мутировавших крыс, а не лезть в загазованный коллектор на пятом уровне, где кто-то плавит работягам сапоги и жжёт силовые кабели. Тысяча чистыми. А свои десять процентов сними с Ветрова сверху, пусть поплачет.

— Охренел ты совсем, Вейн! — вскинулся гном, ударив ладонью по планшету. — Тысячу ему подавай! Да за тысячу я сам возьму разводной ключ, спущусь в эту канализацию и закручу твоему чудовищу башку по резьбе! Шестьсот пятьдесят, и ни кредитом больше, Ветров и так удавится!

— Тогда бери ключ, Бруннар, не забудь только бороду подвязать, чтобы не подпалило. — Кайлан уже поднялся на полкорпуса, глядя на друга с ленивой, упрямой усмешкой. — Восемьсот пятьдесят. Плюс, если внизу окажется не бродяга с резаком, а корпоративное железо или живая эфирная дрянь, разговор по цене начнётся заново. И аванс сотня сейчас, на патроны. У меня в «Громовержце» осталась половина барабана, а вольфрамовое серебро нынче не по медному жетону за горсть отдают.

Бруннар пару секунд сверлил его взглядом сквозь латунную оправу, злобно пыхтя носом, потом сплюнул куда-то под стол и махнул рукой.

— Тьфу на тебя, кровосос остроухий! Чистый эльф, когда дело до чужого кармана доходит, а как до работы, так сразу «я человек простой»! Восемьсот чистыми, моя комиссия с Ветрова отдельно. Аванс восемьдесят, больше из своих я тебе не дам, ты мне и так с весны сорок кредитов торчишь за батареи к «Соколу». По рукам?

Кайлан опустился обратно на стул и протянул здоровую руку. Бруннар крепко, по-рабочему стиснул его ладонь. Хватка у старого гнома была такая, что хоть гайки без ключа откручивай.

— По рукам. Кидай коды доступа и схему насосной на окуляр.

Бруннар поковырялся стилусом в планшете; на периферии зрения Кайлана мягко мигнул синий значок входящего пакета, а «Сокол-2М» послушно проглотил план коммуникаций Сектора 7 и временный электронный пропуск. Тут же тонко пискнул расчётный чип в кармане: пришли восемьдесят кредитов.

Но когда Кайлан уже поднялся и потянулся за плащом, Бруннар вдруг перестал усмехаться. Он опустил кружку на стол, сдвинул на лоб латунные линзы и посмотрел на него серьёзно, без обычной ворчливой наигранности.

— И вот ещё что, Кай, — негромко сказал он, когда двое техников за соседним столом как раз зашумели, споря из-за брошенных костей. — Я тебе сразу не сказал, чтобы цену не задрал до небес, но теперь мы в расчёте, так что слушай. Тот обожжённый слесарь, которого вытащили из четвёртой насосной… Ветров мне по пьяни проболтался, пока звонил. Врач в приёмном сказал, что ожог у парня не от газовой горелки и не от короткого замыкания. И пахло от его сгоревшей робы не мазутом и не дерьмом. Пахло горелым серебром и сухой грозой, как после высоковольтного эфирного разряда прямо в грудь.

Кайлан замер, держа плащ на весу.

Где-то глубоко под левым плечом, прямо там, где Марек час назад проложил свежую слюдяную изоляцию, вдруг кольнуло резкой судорогой. И на языке встал давний, проклятый привкус раскалённого шлака и сырого ноябрьского дождя.

— В очистных не бывает эфирных разрядов, Бруннар, — тихо сказал он, вдевая руки в рукава. — Если только туда кто-то не сбросил то, что не захотел сжигать в официальной печи.

— Вот я и говорю, — мрачно кивнул гном. — Не геройствуй, слышишь? Увидишь там корпоративное клеймо или какую-нибудь военную хрень, разворачивайся и вали наверх. Ни один заказ не стоит того, чтобы тебя потом выскребали со стены совком.

— Увижу клеймо, заломлю Ветрову две тысячи. — Кайлан криво усмехнулся и застегнул воротник. — Не скучай тут, старик. Вернусь к вечеру, с меня кружка нормального стаута.

— Ага, держи карман шире, — донеслось ему вслед, когда дверь «Отвёртки» уже закрывалась за его спиной, снова впуская в лицо мелкую, колючую морось Жёлоба.

***

Сборы на охоту были единственным делом, в котором Кайлан никогда не спешил и не позволял себе небрежности. Вернувшись в свою клетушку на сорок седьмом ярусе, он сначала сбегал в оружейную лавку одноглазого скупщика на соседней лестничной клетке, отдал шестьдесят кредитов из аванса за коробку тяжёлых патронов со свинцово-вольфрамовым сердечником и серебряной насечкой, а затем заперся на оба засова и разложил снаряжение на столе.

«Громовержец» он вынул из вмурованного в стену стального ящика первым. Револьвер был старый, массивный, переломной конструкции, весом почти в два кило: бывшее табельное оружие корпоративных штурмовиков ещё первой волны, переточенное умельцами Кузни под крупный калибр и встроенную индукционную катушку вдоль ствола. При выстреле катушка разгоняла вольфрамовую пулю, вжигая в неё слабый импульсный заряд; такая штука одинаково уверенно проламывала композитную броню дронов и рвала эфирные щиты. Бил «Громовержец» оглушительно, лягался в запястье, как норовистый мул, но за восемь лет не дал ни одной осечки. Кайлан привычно переломил барабан, проверил чистоту камор, загнал шесть матовых патронов и с чётким металлическим щелчком защёлкнул раму.

Рядом лёг компактный импульсный пистолет «Шершень», вещь совершенно другого толка. Лёгкий, с потёртым полимерным корпусом, тихий и без открытой пороховой вспышки. В замкнутых очистных тоннелях, где в карманах под потолком вечно скапливается болотный

газ и метан, палить из «Громовержца» без проверки воздуха значило превратить весь коллектор в собственный крематорий. «Шершень» для таких дыр подходил идеально, пусть и годился скорее против крыс, бродяг да лёгкой электроники.

Последним Кайлан взял со стола тесак. Никаких виброклинков, никаких плазменных кромок и умных балансиров: полметра увесистой, тщательно откованной в Кузне чёрной рессорной стали с матовым, небликующим воронением и костяной оплёткой на рукояти. В сильном эфирном поле, где глохнут прицелы, дохнут аккумуляторы и сходят с ума боевые протезы, кусок хорошего железа остаётся куском хорошего железа. Кайлан провёл большим пальцем по чистой, бритвенно острой фаске, убедился, что кромка цела, и с лёгким шелестом загнал клинок в поясные ножны за спиной.

Оставалось проверить запасной моток стального троса для встроенного в «Коготь» гарпуна-лебёдки да сунуть во внутренний карман две дешёвые ампулы с коагулянтом и стимулятором. Когда он потянулся в глубину сейфа за парой свежих энергоячеек для «Шершня», пальцы его случайно задели плоскую жестяную коробку из-под старых предохранителей, задвинутую к самой задней стенке.

Кайлан задержал руку. Он не открывал эту жестянку уже года два, но и без того помнил всё, что лежит внутри: почерневший, оплавленный осколок чужого дугового резака, который Марек шестнадцать лет назад вытащил из его левого плеча перед тем, как поставить первый дешёвый сервопротез (ещё за шесть лет до «Когтя»), и тонкий, высохший до хрупкости ольховый лист с едва различимой серебряной сеткой прожилок. Лист за шестнадцать лет так и не рассыпался в труху, хотя от обычного сухого листа давно бы осталась одна пыль.

Резко переведя дух, он отдёрнул пальцы, забрал энергоячейки и с металлическим лязгом захлопнул дверцу сейфа. Прошлое не платило за квартиру и не чинило сломанные сервоприводы.

***

Старый грузовой лифт на стыке девятого и седьмого секторов скрежетал так жалобно, что казалось, тросы вот-вот лопнут от одной мысли о спуске ниже двадцатого яруса. Кайлан стоял в углу ржавой решётчатой клети, засунув здоровую руку в карман плаща и глядя, как мимо медленно проплывают этажи Астра-Полиса: целый геологический разрез человеческой и нелюдской нужды.

Сначала уплыли вверх грязные неоновые вывески и жёлтые окна жилых сот Жёлоба. Потом клеть нырнула в рыжий дымный пояс Кузни. Сквозь решётку на пару секунд пахнуло раскалённой окалиной, гарью и машинным маслом, донеслись приглушённые удары гидравлических молотов и перебранка гномов-крановщиков. А ещё ниже погасли и оранжевые огни цехов. Началось Подбрюшье.

Воздух здесь сразу сделался густым, спёртым и холодным, как в старом погребе, куда полвека не заглядывало солнце. В единственной аварийной лампе под потолком кабины задрожала и притухла нить накала; свет стал мутно-жёлтым, и тени от железных прутьев запрыгали по мокрым бетонным стенам шахты, точно костлявые рёбра. Сквозь запах затхлой стоячей воды и плесени проступил резкий химический дух хлорки, мазута и прелой ржавчины. Пол под сапогами мелко, непрерывно вибрировал: где-то ещё глубже, под фундаментом города, ворочались гигантские насосы и геотермальные турбины, гонявшие кровь и нечистоты многомиллионного муравейника.

На пятом уровне лифт дёрнулся, завизжал тормозными колодками и встал. Кайлан приложил к заляпанному сканеру у решётки выданный Бруннаром пропускной чип; диод мигнул зелёным, и массивные створки, сопротивляясь ржавчине, со скрежетом раздвинулись в стороны.

Перед ним чернела широкая, уходящая в сырой полумрак бетонная кишка магистрального очистного тоннеля. Дежурные лампы под сводом горели через две на третью. Тусклые,

заляпанные грязью круги света едва выхватывали из темени склизкие стены, по которым чёрными венами тянулись жирные пучки силовых кабелей в броневой оплётке. С них то и дело срывались крупные маслянистые капли, звонко шлёпаясь в бегущую вдоль сточного лотка мутную воду.

И никого. Ни дежурного техника у поста, ни охранника, ни обычного для таких узлов мерного гула четвёртой насосной. Впереди, метрах в ста за поворотом коллектора, стояла глухая, вязкая тишина; только капала вода да изредка стучали резервные клапаны.

Кайлан шагнул из кабины на скользкий бетон, расстегнул клапан кобуры «Шершня» и мысленно щёлкнул переключателем правого окуляра, переводя «Сокол-2М» в режим следопыта. Мир перед правым глазом подёрнулся холодной сине-серой сеткой анализатора; в углу сетчатки тут же поползли строчки замеров: влажность восемьдесят восемь процентов, концентрация метана ниже порога воспламенения, остаточный эфирный фон…

Кайлан чуть прищурился, вглядываясь в мигнувшую жёлтым цифру на краю обзора.

Фон был не нулевым. Не природный, не плавный, а рваный, грязный, колючий след, тянувшийся от самого поворота к четвёртой насосной. Когда он вдохнул глубже, сквозь вонь канализации и старого масла в ноздри действительно ударил едва уловимый, едкий металлический привкус, как от только что замкнувшей высоковольтной шины и прожжённой медной катушки.

— Ну давай посмотрим, что ты за зверь, — тихо пробормотал Кайлан, поправляя воротник плаща, и бесшумно скользнул вдоль мокрой стены в темноту тоннеля.

Глава 2. Горелое серебро

«При обнаружении в магистральных коллекторах неучтённых биологических объектов, искрящего оборудования или посторонних лиц без допускного жетона категорически запрещается вступать в контакт. Следует задраить переборку, подняться на диспетчерский пост и вызвать дежурного инженера.»

Инструкция по технике безопасности Муниципального управления стоков Астра-Полиса, § 19.

Приписка химическим карандашом на полях: «Ага, и ждать инженера до второго Прорыва, пока насосы захлебнутся. Ветров за простой ползарплаты снимет».

Первые полсотни шагов по магистральному коллектору Кайлан прошёл, почти не дыша ртом. Здесь, в брюхе седьмого сектора, сырость была не такой, как наверху, в Жёлобе: там её хоть изредка гонял сквозняк из вентиляционных шахт, а внизу воздух стоял вязким, спёртым холодцом, пропитанным хлоркой, гнилыми водорослями и сладковатым перегаром химических стоков. Вода в бетонном жёлобе посередине тоннеля текла лениво, мутно-бурой лентой, неся на себе радужные плёнки солярки и обрывки технической ветоши.

«Сокол-2М» тихонько жужжал в глазнице, перебирая фильтры. Тепловизор в такой сырости действительно врал: контуры ржавых задвижек и тёплых паровых труб двоились с противным зеленоватым шлейфом, чуть отставая от поворота головы, но базовый спектральный сканер работал исправно. Кайлан держал «Шершень» в правой руке, чуть опустив ствол, и шёл по узкому бетонному банкету вдоль стены, стараясь наступать на сухие островки, чтобы подошвы не чавкали на весь тоннель.

Первая находка попалась метрах в восьмидесяти от лифта, прямо на развилке перед шлюзом четвёртой насосной. У самого сточного лотка валялась жёлтая пластиковая каска с расколотым козырьком, а чуть дальше, под облезлым распределительным щитком, в луже лежал разбитый аккумуляторный фонарь. Кайлан присел на корточки, не выпуская пистолета, и перевёл окуляр в ультрафиолетовый режим.

На мокром бетоне проступили следы. Сначала обычные: три пары грубых резиновых сапог, идущих от лифта к насосной шагом, а потом те же самые подошвы, но уже сбитые в беспорядочный, скользящий бег обратно: работяги драпали так, что теряли инструмент и не оборачивались. Сбоку от этих отпечатков, прямо на кромке лотка, блестела тёмная, уже подсохшая по краям полоса.

А вот по центру дорожки тянулось совсем другое.

Длинная, прерывистая борозда шириной в два пальца, как от раскалённого добела железного прута, который тащили по сырому бетону. Камень вдоль борозды вскипел и спёкся в грязную, пузырчатую стекловидную корку, местами всё ещё тёплую: на термограмме она светилась бледно-оранжевым пунктиром. Кайлан осторожно поднёс к оплавленному краю кончик среднего пальца «Когтя», выпустив крохотный оптический щуп, которым обычно считывал маркировку с чужих чипов.

Строчки анализа побежали в углу поля зрения: пиковая температура контакта около тысячи двухсот градусов, следы медного напыления, вулканизированная резина… и тут же, тонкой красной строкой внизу списка: *«Органика. Обугленный эпителий, кератин. Совпадение с базой человека — 78%»*.

Кайлан выпрямился, сжимая челюсти. Над бороздой в эфирном спектре «Сокола» до сих пор лениво клубилась грязная сиреневатая дымка: рваный след грубой, перегретой магии, вытекшей наружу, как масло из пробитого картера. А чугунная распределительная коробка на стене в двух метрах выше была вывернута наружу, точно внутри неё хлопнула петарда: мед-

ные клеммы скрутились в шарики от чудовищной наводки, хотя сама проводка выше по стене оставалась целёхонькой.

— Ни черта себе бродяга с резаком, — буркнул он себе под нос. — Бруннар, старый ты жулик, какие восемьсот…

Договорить он не успел.

Из-за массивной, полуоткрытой гермодвери впереди, где угадывался просторный зал четвёртой насосной, донёсся звук. Сначала гулкий металлический лязг, как от удара разводным ключом по чугунному вентилю, а следом захлёбывающийся, полный животного ужаса человеческий крик. Молодой, сорванный голос.

Кайлан рванулся вперёд на вбитых годами рефлексах. Плащ захлопал по голеням, сапоги бесшумно заскользили по сырому бетону. Плечо под «Когтем» отозвалось острым уколом, но свежеперепаянный Мареком сустав сработал мягко и чисто; внутри титанового предплечья тихо щёлкнул взведённый замок гарпуна.

Крик оборвался на полуслове, перейдя в страшное, влажное бульканье, а поверх него по тоннелю пополз трескучий шип, какой издаёт оголённый кабель под высоким напряжением на мокром полу. Запах горелого серебра и жжёной изоляции ударил в ноздри так резко, что заслезился живой глаз.

Кайлан прижался спиной к толстому стальному косяку гермодвери и осторожно заглянул внутрь.

Четвёртая насосная оказалась глубоким, двухэтажным бетонным колодцем с заклёпанными чугунными улитками трёх старых турбин посередине. По периметру, в четырёх метрах над полом, опоясывали стены узкие железные мостки с проржавевшими перилами; под самым сводом, на кронштейне, одиноко гудел и моргал старый натриевый прожектор, заливая зал больным, рыжевато-серым светом. Остальные светильники были погашены или взорваны: под ногами блестело битое стекло.

В самом центре, у подножия заглушенной турбины, лежал на спине парнишка лет двадцати в грязной муниципальной робе и одном сапоге. Второй, с оплавленным носком, валялся в двух шагах, рядом с массивным газовым ключом и раскрытой сумкой с инструментом. Видимо, кто-то из сменщиков Ветрова рискнул вернуться за забытым снаряжением или застрял в боковом кармане, когда убегала бригада. Парень ещё дёргал левой ногой, скребя каблуком по мокрому кафелю, и сипло хватал ртом воздух.

Над ним, сгорбившись, как гигантский богомол, стояла тварь.

Кайлан за свою жизнь перевидел разного дерьма в нижних ярусах: и взбесившихся промышленных автоматонов, и мутировавших канализационных ползунов, и «сквеллеров», свихнувшихся от левых боевых прошивок. Но эта штука выглядела так, словно её собрали нарочно, чтобы сниться в горячке. Высокая, не меньше двух метров с четвертью, нелепо, вытянуто худая, с чудовищно длинными суставчатыми конечностями. Когда-то это тело, судя по обрывкам мертвенно-серой, пересохшей кожи на плечах и рёбрах, принадлежало человеку или тощему орку. Теперь же грудную клетку распирал грубый штампованный каркас из меди и воронёной стали, оплетённый пучками раскалённых до вишнёвого свечения проводов и стеклянными вакуумными колбами, в которых лениво перекатывались голубые разряды. Вместо кистей из предплечий выходили два массивных, заострённых контактных штыря, сейчас добела раскалённых на самых кончиках.

А выше ключиц, на тонкой гидравлической шее, сидел толстый, мутный от копоти и паутины трещин стеклянный колпак из боросиликата. Внутри, в пенящейся, светящейся бледно-голубым охлаждающей жиже, плавало нечто серое, сморщенное, пронзённое десятками золотых и медных электродов. Человеческий мозг, по которому судорожными волнами пробегали микроразряды, озаряя изнутри грязное стекло.

Существо плавно вытянуло правый штырь из груди рабочего. От прожжённой робы потянулась едкая серая струйка дыма; парень дёрнулся в последний раз, затих, и стеклянный колпак над плечами твари потускнел, пока чудовище прислушивалось к оборвавшемуся сердцебиению. Потом из разбитого голосового динамика в основании колпака вырвался искажённый, хриплый, жалобный треск помех, до жути похожий на оборванный человеческий вздох.

«Кибер-зомби, — холодно отметил Кайлан, подавляя подкатившую к горлу злость. — *Только не кустарный. Промышленная сборка, свежий эфирный контур внутри… И на хрена было пихать сюда живой мозг?»*

Раздумывать времени не осталось: парень был уже мёртв, а тварь, уловив едва слышный шорох его плаща, рывком, с дёрганой быстротой сломанной куклы, развернула стеклянный колпак в сторону гермодвери.

Кайлан не стал ждать, пока эта штука опомнится. Метан в зале «Сокол» показывал на нуле, но проветривать здесь никто не спешил, а потому он решил сначала прощупать броню из «Шершня». Прицелился точно в пучок вакуумных трубок в центре грудной клетки и дважды нажал спуск.

Два сдавленных хлопка прокатились по залу. Синие импульсные сгустки ударили твари точно под ключицу, взметнув веер мелких искр.

Существо даже не отшатнулось.

Кайлан с досадой увидел, как по медным рёбрам чудовища пробежала яркая голубая рябь: вместо того чтобы сжечь электронику, его импульсный заряд послушно втянулся в обмотку, рванул вверх по шейным кабелям, и жидкость внутри стеклянного колпака вспыхнула режущим белым светом.

— Чёрт бы тебя побрал… конденсатор, — ругнулся Кайлан и тут же швырнул себя вбок, за чугунный корпус ближайшей турбины.

Не зря. Из-под стеклянного купола с резким, колючим треском выплюнуло слепящую белую дугу. Разряд ударил ровно в тот стальной косяк, за которым он стоял секунду назад: железо взвыло, брызнуло расплавленными каплями, а за спиной Кайлана с грохотом выкрошился целый кусок бетонной стены. В лицо пахнуло горячим шлаком.

— Ну ладно, — пробормотал он, перекатываясь за толстую трубу водозабора и засовывая бесполезный «Шершень» обратно в кобуру. — Электричеством тебя кормить — всё равно что костёр керосином тушить. Будем по старинке.

Тварь уже шла к нему — стремительно, не по-мертвецки живо: длинные вывернутые суставы щёлкали по мокрому кафелю, а раскалённые штыри на руках вычерчивали в темноте две бледные оранжевые дуги.

Кайлан выхватил «Громовержец», откинулся из-за трубы и всадил вольфрамово-серебряную пулю прямо в левое колено чудовища. Выстрел в бетонном колодце грохнул, как пушечный; отдача привычно дёрнула запястье, а из коленного шарнира твари вырвался сноп искр и брызги тёмной гидравлической жижи. Тварь споткнулась, с лязгом завалившись набок, и взвыла через хрипящий динамик. На этот раз в её вое сквозь механический скрежет явно прорезалось что-то мучительное, живое, от чего у Кайлана свело скулы.

Но нога не отвалилась. Существо вскинуло правый штырь, цепляясь за корпус турбины, чтобы подтянуться, и в стеклянном колпаке снова начало набухать слепящее белое сияние. До второго разряда оставались считаные секунды. Перебивать ему грудную клетку из «Громовержца» в лоб было бессмысленно: за это время оно спалит и его, и укрытие.

Окуляр «Сокола» метнулся вверх, выхватывая из полумрака детали потолка. Прямо над центральной турбиной, вдоль верхних мостков, тянулась толстая красная магистраль аварийного порошкового пожаротушения. Такие ставили на всех старых насосных, где водились трансформаторы под напряжением. А чуть правее на ржавой балке висел массивный чугунный противовес подъёмного крана.

— Держи подарок, жестянка, — прохрипел Кайлан.

Он задрал ствол «Громовержца» вверх и выстрелил в латунный запорный клапан красной трубы прямо над головой чудовища. Увесистая пуля снесла вентиль с резьбы; с оглушительным шипением вниз, на турбину и на занёсшуюся для выстрела тварь, обрушился густой, непроглядный столб белого непроводящего порошка. Накопленный разряд в колпаке коротнул вхолостую, захлебнувшись в пыльной туче, с потолка посыпалась известковая крошка, и чудовище на пару мгновений ослепло, яростно полосуя раскалёнными штырями пустой воздух.

Больше Кайлану и не требовалось.

Он выскочил из-за трубы, сунул револьвер в кобуру и, вскинув левую руку, нажал большим пальцем спусковую пластину на предплечье «Когтя».

— «Якорь».

Стальная трёхзубая кошка с резким свистом вылетела из гнезда на запястье, потянув за собой тонкий кевларово-стальной трос, и звонко впилась в железный поручень верхних мостков, прямо за спиной у ослеплённого монстра. Лебёдка в предплечье взвизгнула на пределе оборотов (спасибо Мареку за свежую втулку!) и рывком выдернула Кайлана с пола. Его пронесло по широкой дуге сквозь облако едкого порошка, в метре над головой разъярённой твари; один из раскалённых штырей чиркнул так близко к его левому бедру, что прожжённая парусина плаща задымилась.

Кайлан отстегнул карабин троса на взлёте, жёстко приземлился на оба сапога прямо позади чудовища, перекатился по мокрому бетону, гася удар, и одним слитным движением выхватил из-за спины чёрный кованый тесак.

Тварь, чуя его затылком или датчиками на спине, уже разворачивалась с чудовищной, рваной быстротой. Правый штырь пошёл наотмашь, целясь Кайлану прямо в рёбра. Уйти полностью он не успевал: крутанувшись на каблуке, он принял скользящий удар штыря на предплечье «Когтя». Титан выдержал, но мощнейший остаточный разряд тут же прошил свежую изоляцию Марека, ударив в плечевое сплетение так, что зубы Кайлана клацнули с кровью, а правый глаз, «Сокол-2М», погас, залившись метелью белых помех.

Левый, живой глаз видел отлично.

Превозмогая судорогу в онемевшей левой руке, Кайлан шагнул внутрь замаха чудовища, вплотную к воняющему палёным телу, вложил в удар весь вес плеч и с хриплым выдохом рубанул чёрным клинком точно в узкий гидравлический стык между металлической ключицей и основанием стеклянного колпака.

Кованое лезвие, в котором не было ни единого микрочипа и ни капли электроники, с жутким хрустом перерубило силовые кабели, стальной патрубок и сухую позвоночную трубку.

Стеклянный колпак сорвался с плеч, описал пологую дугу и со звоном раскололся о бетонный пол, разливая лужу пенящейся голубоватой жижи. На одно жуткое мгновение обнажённый мозг среди осколков ярко вспыхнул тусклым сиреневым огнём, а крохотный автономный речевой излучатель, вмонтированный прямо в металлическое основание разбитого колпака, просипел едва слышное, затухающее: *«…хо…лод…но…»* — и свет погас навсегда.

Обезглавленное тело твари замерло, покачнулось, как подрубленная сосна, и с оглушительным, окончательным грохотом рухнуло на кафель, обдав Кайлана брызгами грязной воды и белого порошка. Раскалённые штыри на его руках быстро тускнели, превращаясь из белых в вишнёвые, а потом в обычное чёрное остывающее железо.

***

Минуты две Кайлан не двигался, опираясь здоровой рукой о холодный бок турбины и отплёвывая на пол розовую от прикушенной щеки слюну. В зале снова стало тихо, только сверху шипела пробитая порошковая труба, постепенно теряя давление, да монотонно капала вода.

Потом «Сокол-2М» с писком перезагрузился, прогнав по сетчатке красную строчку предупреждения о скачке напряжения, и картинка выровнялась. Левая рука ныла тупой, тянущей болью, но пальцы «Когтя» сжимались и разжимались без клина. Слюдяная обмотка Марека всё-таки спасла его от сожжённого нерва.

Он вытер лезвие тесака о чистую тряпку, убрал клинок за спину и сначала подошёл к погибшему рабочему. Мальчишка лежал с широко открытыми, застывшими в ужасе глазами; на нагрудном кармане синей робы виднелся пластиковый бейдж с полустёртым именем: *«Павел К., 3-й разряд»*. Кайлан постоял немного, потом снял с ближайшего вентиля чужой брошенный брезентовый дождевик и аккуратно накрыл им тело с головой. Умирать в этой сырой яме за четыре с половиной сотни кредитов в месяц — хреновая сделка, но другой в Жёлобе почти никому не предлагали.

Затем он вернулся к дымящейся груде металла и мёртвой плоти, присел на корточки и снова выдвинул щуп-сканер из пальца «Когтя».

Осматривать эту дрянь вблизи было тошно. Дешёвая штампованная рама от промышленного экзоскелета, грубые хирургические швы, наложенные в такой спешке, что сборщикам явно было плевать, выживет ли донор дольше недели. А вот внутри грудной клетки, прямо между стальными рёбрами, скрывалось то, от чего у Кайлана неприятно стянуло кожу на затылке: грубо вмонтированный кусок тёмно-фиолетового эфирного кристалла, стянутый медными хомутами и подключённый напрямую к спинномозговому кабелю. Кто-то попытался насильно срастить серийный кибер-каркас с живым источником Эфира, вопреки всем законам физики и медицины, о которых утром ворчал Марек. Неудивительно, что тварь сварилась заживо изнутри и сошла с ума.

Кайлан поддел кончиком тесака закопчённую стальную пластину между лопатками чудовища, соскрёб слой налипшего порошка и сажи, и «Сокол» тут же выделил в рамку чёткую лазерную гравировку.

Стилизованная буква «А», нижние ножки которой закручивались в двойную спираль. Точно такая же, какую ещё утром крутила в воздухе улыбчивая голограмма на его столе. А под логотипом, мелким техническим шрифтом:

«АСТРАТЕХ. Опытный цех биосинтеза. Образец АТ-09».

— Ага. — Кайлан покачал головой, нисколько не удивившись. — Не сбежал ты никуда, бедолага. Когда ты заглючил и спалил им испытательный стенд, тебя просто выкинули в дренажный шлюз, как бракованный котёл. Чтобы не возиться с утилизацией и не светить отчёт перед инспекцией.

Он вытащил из кармана отвёртку, поддел заклёпки и с силой оторвал маркировочную пластину со спины прототипа: отличное вещественное доказательство для Карла Ветрова. Сунул железку в карман плаща и уже начал подниматься на ноги, когда «Сокол» вдруг выхватил из-под затихшего шипения трубы новый, совершенно чужой звук.

Тонкий, высокий двойной писк.

Кайлан отпрыгнул на два шага назад, выхватывая «Громовержец», и присел, прикрывая лицо «Когтем» в ожидании взрыва.

Но взрыва не последовало.

Из-под расколотой грудной пластины прототипа, перебирая шестью тонкими сочленёнными лапками, выползла матово-чёрная механическая блоха размером с крупного паука. Добравшись до края металлического ребра, дрон-регистратор замер, направил крохотный рубиновый объектив прямо в лицо Кайлану — на его брюшке тускло блеснула та же спиральная буква «А» — и полоснул по нему тонкой, едва заметной сеткой инфракрасного сканера.

Кайлан выстрелил, но чуть опоздал: прежде чем пуля расплющила корпус, на антенне дрона мигнул зелёный диод направленной передачи, пробивая узким импульсом вверх, через

вентиляционный колодец. Следом внутри паука хлопнул крохотный термитный заряд, превращая микросхему в горстку серого пепла.

Последний треск осыпавшегося пепла стих, и четвёртая насосная утонула в вязкой, липкой тишине.

Кайлан опустил дымящийся ствол «Громовержца». Взглянул на кучку пепла, потом на оторванную пластину в своём кармане, потом на тёмный проём вентиляционной шахты под потолком. Скрытый аварийный маяк. В «АстраТехе» оказались не такими уж разгильдяями: бросив бракованный прототип в стоки, они оставили внутри пассивного «сторожа», который просыпается в момент разрушения ядра, чтобы зафиксировать, *кто именно* наткнулся на их мусор и сумел его добить.

Его лицо, модель его окуляра, серийные потёртости его «Когтя», биометрия походки — всё это только что улетело наверх, в закрытый контур службы безопасности «АстраТеха».

— Замечательно. Просто праздник какой-то. — Кайлан убрал револьвер в кобуру.

***

Диспетчерская будка Карла Ветрова на пятом уровне — тесная бетонная конура со стеклянными перегородками, обклеенными графиками дежурств и выцветшими календарями с полуголыми девицами, — пахла кислой капустой, дешёвым табаком и застарелым страхом. Когда Кайлан, весь в белой порошковой пыли, с подпалённой полой плаща и злым блеском в глазах, толкнул дверь плечом, тучный, рыхлый мужчина за обшарпанным столом так дёрнулся, что расплескал из эмалированной кружки мутный чай прямо на ведомость.

— Ты… ты кто?! — взвизгнул Ветров, хватаясь потными ладонями за подлокотники кресла. — А, от Гнома… Ну что там? Живой? Выгнал их?

Кайлан не сказал ни слова. Подошёл к столу, вытащил из кармана почерневшую стальную пластину и с резким металлическим звоном швырнул её прямо на мокрые бумаги, поверх расплывшегося чайного пятна.

Ветров уставился на логотип «АстраТеха» и номер «АТ-09». Лицо у него, и без того нездорового землистого оттенка, вмиг стало серым, как мокрая штукатурка.

— Это… откуда? — просипел он, не решаясь прикоснуться к металлу.

— С четвёртой насосной, Ветров. — Кайлан упёрся обеими руками в край стола, нависая над прорабом. — Твоя «проблема» больше не бегает. Я её разобрал. А рядом с ней лежит твой молодой обходчик, Павел, если не ошибаюсь. Полез, видать, за инструментом. Так что сейчас ты берёшь свою трубку, объявляешь по сектору пятый уровень техно-карантина, выводишь оттуда людей и вызываешь муниципальную бригаду дезактивации. Потому что в этой железке стоял живой эфирный кристалл, и если там в трубах валяется второй такой же подарок сверху, твои насосы разнесёт к чертям вместе с половиной седьмого сектора.

— Какой карантин?! — Ветров заёрзал на стуле, по его лысому лбу покатились крупные капли пота. — Ты в своём уме?! Меня за простой и за труп на объекте под суд отдадут! Бруннар сказал, ты тихий специалист! Мы договаривались на восемьсот кредитов и без шума!

— Мы договаривались на восемьсот за бродягу с резаком, — поправил его Кайлан и постучал титановым пальцем по маркировке «АстраТеха». — А в контракте, который я обговаривал с Бруннаром, был отдельный пункт: корпоративное железо, разговор с нуля. Я только что засветил свою морду корпоративному дрону-регистратору, выгребая чужое дерьмо из твоей канализации. И теперь цена за то, что моя запись с окуляра не уйдёт сегодня вечером в инфопул «Новый Взгляд» с заголовком «Муниципальный прораб покрывает нелегальный могильник „АстраТеха“ и гибель рабочих», составляет ровно две тысячи кредитов.

— Две тысячи?! — Ветров чуть не задохнулся, глаза у него налились кровью. — Да я тебе… да у меня на счету таких денег…

— Не ври, Карл, — устало перебил Кайлан. — Я знаю, сколько ты пилишь на недопоставке фильтров. Либо ты переводишь две тысячи прямо сейчас, и комиссию Бруннару

отдельно, как обещал, либо через полчаса твою фамилию будут склонять на всех голоканалах Жёлоба. У «АстраТеха» в понедельник запуск «Валькирии-IV», скандал им сейчас как серпом по яйцам. Как думаешь, с кого они начнут зачистку, когда всплывёт эта пластина?

На пару секунд в будке стало слышно только, как за стеной гудит вытяжной вентилятор и как со свистом дышит Ветров. Потом прораб с ненавистью дёрнул к себе платёжный терминал, дрожащими пальцами вбил код и приложил свой перстень-ключ.

В кармане Кайлана мелодично пискнул расчётный чип: *«Поступление: 2 000,00 кр. Баланс: 2 067,12 кр.»*.

— Подавись, ублюдок остроухий, — прохрипел Ветров, откидываясь в кресле. — И чтоб ноги твоей здесь больше не было.

— Учти совет про карантин, Карл. — Кайлан забрал со стола маркировочную пластину (оставлять её этому трусу он не собирался) и двинулся к выходу. — Парнишку вытащите по-человечески. У него, небось, мать где-нибудь наверху сидит.

***

Обратная дорога наверх казалась вдвое длиннее. Выбравшись из лифта на сорок первый ярус, Кайлан первым делом завернул в «Отвёртку». Бруннар ещё сидел на том же месте, и когда Кайлан молча выложил ему на стол сто двадцать кредитов долга (восемьдесят за утренний аванс и сорок за весенние батареи), а рядом положил почерневшую пластину с логотипом «АстраТеха», старый гном даже перестал жевать сухарь.

— Мать честная… — пробормотал Бруннар, разглядывая гравировку сквозь откинутую линзу. — Опытный цех биосинтеза? В стоках? Кай, они совсем там берега потеряли… Подожди, а Ветров заплатил?

— Заплатил две тысячи, и твою долю переведёт отдельно. — Кайлан заказал у Жирного Томаса две кружки нормального тёмного стаута и сам наконец сделал большой, жадный глоток, смывая с горла привкус порошка и сырой ржавчины. — Но есть паршивая новость, Бруннар. Внутри сидел дрон-сторож. Снял меня целиком и кинул сигнал наверх, прежде чем сгорел.

Бруннар опустил линзу и сокрушённо вздохнул, потирая перебитую переносицу.

— Хреново, Кай. Очень хреново. Служба безопасности «АстраТеха» таких хвостов не любит. Слушай меня: закрой свои долги, купи нормальной еды и дня три-четыре не высовывайся с сорок седьмого. Я по своим каналам в Кузне прощупаю, ищут тебя по базе или списали инцидент в архив.

— Разберусь, — отмахнулся Кайлан. — Пластину эту у себя не держи, я её заберу. Если к тебе кто сунется с вопросами, ты знать меня не знаешь, дал пропуск первому встречному наёмнику с улицы.

— Меня ещё поучи, щенок, — проворчал гном, но взгляд у него остался тревожным.

От Бруннара Кайлан поднялся на сорок четвёртый, заглянув по пути в лавку нормального импортного спиртного. Взял пузатую бутылку настоящего, несинтетического ячменного виски для Марека и заодно прихватил маленькую плоскую фляжку себе, на чёрный день. Когда он зашёл в котельную, положил на стальной стол расчётный чип с переводом на двести пятьдесят кредитов и поставил рядом бутылку, лекарь сначала недоверчиво покрутил её на свет, потом глянул на Кайлана поверх сползших очков и беззлобно усмехнулся:

— Смотри-ка, не сдох. И даже долг вернул в тот же день. В лотерею выиграл, что ли?

— В очистных клад нашёл. — Кайлан стащил плащ и показал Мареку обгоревшую царапину на титановом кожухе «Когтя». — Твоя слюдяная обмотка мне сегодня руку спасла, док. Если бы пробило на нерв, лежал бы я сейчас рядом с тем пацаном.

Марек посерьёзнел, мельком глянул на след дугового удара на металле и покачал головой.

— Значит, не зря я про ожоги говорил. Заходи через пару дней, проверю твой разъём, чтобы нагноения не пошло. И пистолет чисти, Вейн: чую, не последняя эта дрянь из-под земли вылезла.

К себе на сорок седьмой Кайлан добрался уже затемно, когда дождь разошёлся всерьёз, затягивая вентиляционный колодец плотной мутной пеленой. Он оплатил прямо на дверном терминале триста двадцать кредитов просроченной аренды. Ненавистный красный огонёк над косяком наконец сменился спокойным зелёным светом. Прикинул остаток на счету: тысяча триста с лишним кредитов, впервые за полгода можно было спать, не думая о том, чем платить за воду завтра утром.

Но когда он, прежде чем открыть замок, по давней привычке скользнул взглядом вниз и в сторону, вдоль сырой, пустеющей к ночи галереи, «Сокол-2М» сам, без команды, выделил тонкой жёлтой рамкой две точки.

Первую — метрах в тридцати над колодцем, чуть ниже рекламной фермы: два одинаковых матово-серых курьерских дрона без опознавательных знаков висели в дождевой дымке на одном месте уже слишком долго, чтобы просто ждать заказ.

И вторую — внизу, на противоположной стороне перехода, у глухой бетонной опоры возле закрытых ставен ломбарда. Там, не прячась от косых брызг, стоял высокий, неподвижный мужчина в длинном тёмном плаще. Лица его в полумраке не было видно, но Кайлан отчётливо почувствовал этот пристальный, немигающий взгляд, упёртый прямо в его дверь. Стоило Кайлану шагнуть к перилам и коснуться рукояти «Шершня», как фигура у опоры неспешно развернулась и растаяла в паре, поднимавшемся от закрытой лапшичной Чжао. Через секунду оба дрона синхронно скользнули в сторону и исчезли за бетонной фермой.

Кайлан ещё с полминуты постоял под дождём, глядя на пустую галерею, потом толкнул свою дверь и запер её изнутри на оба стальных засова.

На счету лежала тысяча триста кредитов. Долги были закрыты. Только спать этой ночью он снова будет одетым, с «Громовержцем» на расстоянии вытянутой руки.

Глава 3. Приглашение из-под купола

«Статья 14. Урождённые Великих Домов Элизиума несут личную ответственность за сохранность чистоты рода и тайны магистральных контрактов. Спуск в нижние ярусы без сопровождения стражи Дома, равно как и несанкционированное обращение к наёмным лицам из числа людей и полукровок, карается лишением голоса в Совете.»

Свод Уставов Высших Террас Астра-Полиса, редакция 72 г. П.П.

Следующие три дня тянулись, как жвачка на подошве: липко, серо и без толку.

Кайлан почти не выходил из конуры, а если и спускался на галерею за горячей лапшой к Чжао или свежими фильтрами для респиратора, то шёл кружным путём, через технические переходы, постоянно косясь на отражения в мокрых витринах. Купленные на совесть нормальный молотый кофе, полная коробка вольфрамово-серебряных патронов и тихая, зелёная лампочка оплаченной аренды должны были принести хоть какое-то облегчение, но вместо покоя в груди поселилось знакомое, сосущее ожидание засады. Так бывало на плохих заказах в старых цехах, когда за спиной замолкает даже крысиная возня и ты понимаешь, что кто-то уже держит тебя в перекрестье, просто ещё не решил, нажимать ли спуск.

На третье утро он наконец нашёл подтверждение. Выходя вынести мусор на площадку у лестницы, Кайлан уронил пустую банку, наклонился и боковым зрением «Сокола» зацепил под нижней кромкой ржавых перил, ровно напротив своей двери, крохотную плоскую таблетку из серого пластика величиной с ноготь мизинца. Пассивный акустический и оптический маячок. Такие не ставят уличные коллекторы или городская стража: слишком дорогая начинка, да и корпус отлит наглухо, без шва.

Ломать игрушку он не стал: сломанный датчик сразу сообщит оператору наверху, что клиент насторожился и вот-вот сделает ноги. Вместо этого Кайлан спокойно поднял банку, спустился к баку, а на обратном пути «случайно» прилепил к нижней стороне перил прямо поверх объектива смятый комок плотной свинцовой фольги от старой пачки чая. С виду обычный уличный мусор, прилипший на сырость, а оптику и половину частот глушит намертво.

В полдень, выбравшись с яруса через заброшенный бельевой спуск на соседнюю лестницу, он добрался до «Отвёртки». Бруннар сидел в своём углу мрачнее грозовой тучи и даже не стал отпускать обычных шуточек про острые уши, когда Кайлан опустился напротив.

— Плохи дела, парень, — сразу, без предисловий просипел гном, придвигая ему пустую кружку, чтобы не привлекать лишних глаз, и понижая голос почти до шёпота. — Я через своего старого знакомого в диспетчерской Кузни пробил, что творилось в седьмом секторе после твоего визита. Позавчера утром туда приехала комиссия: не городская, а в серых куртках без нашивок. Опечатали четвёртую насосную на «плановую промывку», вывезли твои обломки в глухом бронированном контейнере. А Карла Ветрова вчера вечером перевели с понижением на дальнюю станцию за западным Периметром. Считай, сослали в ссылку, чтобы язык не распускал.

— Про меня спрашивали? — уточнил Кайлан.

— Спрашивали, кто именно ходил вниз по временному пропуску. Ветров, надо отдать этой крысе должное, испугался не зря: твоего имени он всё равно не знал, только отмахнулся, мол, какой-то бродяга от уличных посредников. Но, Кай… — Бруннар ткнул толстым пальцем в крышку стола. — У них есть твоя картинка с того дрона. На нижних ярусах твоё лицо и старый «Коготь» в половине камер засвечены. Они уже знают, кто ты. Вопрос только в том, почему к тебе до сих пор не вломилась группа зачистки.

— Возле моей двери с утра висел маячок, — негромко сказал Кайлан. — Не штурмуют. Наблюдают. Хотят посмотреть, к кому я побегу и кому начну показывать пластину с «АТ-09».

Бруннар выругался так смачно, что на него покосился даже полусонный курьер у стойки.

— Вот чёрт! Надо было тебе эту железку в речку бросить! Слушай меня: собирай манатки, перебирайся на пару недель в Кузню, я договорюсь с ребятами у четвёртого пресса, пересидишь в подсобке, пока пыль не уляжется.

— Пересижу? — Кайлан горько усмехнулся. — У «АстраТеха» память не на две недели, Бруннар. Если я начну прятаться по подвалам, они просто поймут, что я боюсь, и придут уже не смотреть, а чистить. Пусть пока думают, что я сижу тихо и пропиваю деньги Ветрова. Только ты на мой общий канал ближайшие дни не звони, ладно?

— Да пошёл ты, — буркнул гном, но видно было, что переубеждать упрямого полукровку бесполезно. — Если прижмёт, знаешь мой резервный номер. И спину береги, слышишь?

***

Ответ на вопрос, почему «АстраТех» медлит с зачисткой, пришёл тем же вечером, ближе к десяти часам, и совсем с той стороны, откуда Кайлан его не ждал.

Он сидел за столом, неспешно перебирая разобранный «Громовержец» и протирая промасленной ветошью каморы барабана, когда встроенный в стену старый коммуникатор вдруг ожил. Но вместо привычного, режущего уши хриплого треска уличной сети Жёлоба по комнате проплыл мягкий, чистый, мелодичный перезвон: сигнал закрытой шифрованной линии высшего приоритета. Этот канал Кайлан держал мёртвым по полгода: по нему звонили редко, никогда не торговались о мелочах и всегда предлагали работу, после которой либо покупаешь новую жизнь, либо исчезаешь в безымянной канаве.

Кайлан отложил шомпол, вытер руки о штанину и несколько секунд недоверчиво смотрел на мигающий белым индикатор. Потом потянулся к панели и нажал клавишу.

— Приём. Только голос, без видео, — сказал он хрипло.

Динамик щёлкнул, отсекая фоновый шум, и в сырой тишине комнаты зазвучал выверенный, прохладный и чистый голос, как звон тонкого хрусталя в пустом зале. Без акцента Жёлоба, без пауз на сбивчивое дыхание, с той неуловимой, чуть растянутой интонацией, которой учат с детства в закрытых школах Элизиума.

— Добрый вечер, господин Кайлан Вейн. — Голос звучал не как вопрос, а как вежливая галочка в описи. — Полагаю, я не отрываю вас от неотложных дел?

У Кайлана сжалась челюсть. Его полное имя на этом канале знали от силы трое во всём Астра-Полисе, и двое из них были мертвы.

— Смотря сколько вы готовы заплатить за мой вечер, — сдержанно ответил он, не выдавая настороженности. — С кем имею честь?

— Моё имя Теландир д’Элир. Я представляю интересы Дома д’Элир.

Кайлан чуть прищурился. Дом д’Элир был одним из старейших эльфийских родов Элизиума, сидевшим на верхних террасах ещё со времён первых договоров после Ночи Стеклянного Дождя. Биофармацевтика, элитные клиники регенерации, места в городском Совете, собственные купола с живыми кипарисами и водой из артезианских скважин. Люди, и тем более полукровки из Сектора 9, для д’Элиров стояли где-то между бродячими псами и канализационными крысами.

— Весьма польщён, господин советник, — с лёгкой, язвительной усмешкой протянул Кайлан. — Неужто в Элизиуме кончились собственные чистокровные ищейки, что вы спустились звонить в Жёлоб? Или у вас там прорвало трубу и нужен сантехник?

— У вас острый язык, господин Вейн. Это забавно, хотя и неуместно, — в голосе Теландира не дрогнула ни единая нота; так отмахиваются от назойливой осы. — Я обращаюсь к вам по делу деликатному. Сорок восемь часов назад исчезла моя дочь, Лираэль д’Элир. Ей восемьдесят семь лет, по нашим меркам ещё сущий ребёнок, склонный к безрассудным прихотям. В последний раз её видели в клубе «Сиреневый Зов» на сто шестнадцатом ярусе, у самой границы Элизиума, куда она отправилась без охраны, в компании сомнительных знакомых. После полуночи её след оборвался. Личный маячок отключён.

— Пропала избалованная наследница. — Кайлан откинулся на спинку стула, задумчиво глядя на мигающий диод. — И вы не обратились ни в стражу Высших Террас, ни к корпоративной службе безопасности?

— Вы сами понимаете почему, — холодно ответил Теландир. — Огласка вызовет пересуды в Совете. Соперничающие Дома с радостью раздуют скандал вокруг недостойного поведения моей дочери, а корпорации всегда берут за помощь цену выше денежной. Мне нужно вернуть Лираэль тихо, быстро и без лишних свидетелей. Гонорар пять тысяч кредитов: две тысячи по получении подтверждения, что она жива, три по возвращении в родовое поместье. Срок — двое суток.

Пять тысяч. На такие деньги можно было выкинуть к чёрту старый «Коготь», купить у Марека приличный серый имплант с чистой прошивкой, снять нормальную комнату на шестьдесят пятом ярусе и полгода не спускаться в стоки. Слишком сладко. А когда в Астра-Полисе тебе протягивают медовый пряник с верхних этажей, внутри почти наверняка запечена рыболовная блесна.

— Неплохая сумма, господин д'Элир. Только вы так и не ответили на главный вопрос. В Среднем кольце десяток лицензированных частных сыщиков с чистыми бумагами и связями в клубах. Почему именно я?

На том конце линии на секунду замолчали, но Кайлан успел поймать заминку.

— Потому что вы не связаны с интригами Великих Домов, господин Вейн, — размеренно ответил Теландир. — Ваша… смешанная кровь держит вас в стороне от наших внутренних распрей, а привычка к нижним ярусам позволит без труда найти девочку, если она сдуру спустилась туда. Кроме того… мы осведомлены о вашей недавней, весьма результативной работе в очистных тоннелях Сектора 7. Вы проявили редкую настойчивость и, что важнее, умение сохранять молчание там, где болтливость опасна для здоровья.

Кайлан положил здоровую ладонь на холодный ствол «Громовержца». В комнате вдруг сделалось тесно.

— Как любопытно. Про мои дела в Секторе 7 знает прораб в ссылке, один старый гном да служба безопасности «АстраТеха». Откуда же такие свежие сплетни под куполами Элизиума?

— В этом городе деньги и информация текут вверх, господин Вейн, — снисходительно заметил Теландир. — У вас есть сорок восемь часов. Пакет с данными, фотографией дочери, перечнем её контактов и кодом доступа в «Сиреневый Зов» уже направлен на ваш проектор. Постарайтесь не разочаровать меня. Для вашего же блага.

Линия щёлкнула и оборвалась.

Кайлан с минуту сидел не шевелясь, глядя на погасший диод. Совпадений такого калибра в Астра-Полисе не случалось с самой Ночи Стеклянного Дождя. Не прошло и трёх суток после того, как паук-регистратор «АстраТеха» снял его биометрию над тушей «АТ-09», как к нему на секретную линию стучится глава чистокровного эльфийского Дома, вскользь намекает, что знает про Сектор 7, и бросает ему пять тысяч кредитов за поиск дочери. Либо корпоративная утечка дошла до самого верха — во что не поверил бы и слепой, — либо Дом д'Элир и «АстраТех» едят из одной кормушки.

На столе тихо пискнул проектор «Токугава-4», принимая входящий пакет.

Кайлан потянулся и щёлкнул тумблером.

***

Старая линза снова уводила цвета в зеленоватую муть, но даже сквозь дешёвое зерно голограммы Лираэль д'Элир выглядела так, словно её вырезали из совсем другого, куда более чистого мира. Высокая, тонкокостная, с длинными серебристо-пепельными волосами, которые, в отличие от чистокровных эльфиек с рекламных щитов, заплетавших строгие ритуальные косы, она остригла неровно, чуть ниже плеч, назло семейным уставам. Острые скулы, надменный излом бровей, светлые, с холодным серебристым отливом глаза. И в них не пустая скука

богатой куклы, а нервное, колючее, злое любопытство. Под левой ключицей, на границе выреза тёмного шёлкового платья, белела крохотная старая царапина.

Кайлан перелистнул вкладки пакета, проглядывая справку: любимые заведения в Среднем кольце, трое знакомых из богемной тусовки художников и биомодификаторов, временный идентификационный ключ на имя Теландира для прохода в «Сиреневый Зов». Последним файлом шёл мутный стоп-кадр с уличной камеры на чёрном выходе клуба, снятый два дня назад в час ночи.

Лираэль выходила в узкий переулок под моросящий дождь. Шла она не одна: рядом, чуть придерживая её за локоть, шагал высокий, широкоплечий мужчина в длинном тёмном пальто строгого кроя и мягкой шляпе, чьи поля почти полностью скрывали лицо в тени. Видна была лишь полоска гладко выбритого подбородка да его правая рука, вышедшая из-под манжеты.

Кайлан подался вперёд, вглядываясь. «Сокол-2М» послушно потянул кадр на максимальное увеличение, выравнивая зерно и сглаживая пиксели.

Рука у спутника Лираэль была не живой. И это была не грубая уличная штамповка вроде его собственного «Когтя». Тонкие, идеально подогнанные пластины чёрного эбонита и матового полированного хрома, едва заметные шарниры на фалангах: вещь класса закрытых военных прототипов, которую не купишь ни в одной клинике Среднего кольца.

А на внутренней стороне металлического запястья, там, где манжета пальто слегка съехала вверх, чётко темнела тонкая гравировка знакомого корпоративного знака: та самая двойная спираль «АстраТеха».

Кайлан откинулся назад. В животе стало пусто и холодно, как от глотка студёной воды натощак.

Они даже не трудились прятаться. Не замазали кадр, не обрезали руку. Или Теландир сам не разглядел крохотную метку на нечётком стоп-кадре, или ему — и тем, кто стоит за ним, — было совершенно наплевать, увидит ли её Кайлан. Напротив: его дёргали за поводок, проверяя, клюнет ли битый пёс из Жёлоба на запах знакомого клейма и звон пяти тысяч кредитов. В Секторе 7 он поломал им дорогой образец и ушёл живым. Теперь его вежливо приглашали зайти в тёмную комнату, чтобы посмотреть на него поближе. Или тихо закрыть вопрос там, где никто не услышит выстрелов.

Он мог отказаться. Выключить проектор, забрать свои тысячу двести кредитов, оставшиеся после покупок, спуститься в Кузню к людям Бруннара и залечь на дно на месяц-другой, пока «АстраТех» не потеряет интерес.

Только Кайлан слишком хорошо знал, как работают мегакорпорации. Они не теряют интерес к незакрытым строкам в отчётах. Маячок уже висит напротив его двери, Ветров уже сослан за Периметр, и рано или поздно в его подсобку в Кузне всё равно войдут бойцы в серых куртках. Только тогда он будет беззащитным, загнанным в угол и совершенно слепым, даже не понимая, за что именно его списывают. А сейчас у него в руках лежала единственная живая нитка. Пусть она вела прямо в капкан, но тот, кто знает, где стоят челюсти капкана, иногда умудряется просунуть между ними лом.

Кайлан мотнул головой, выключил проектор и снова взялся за сборы. На этот раз он взял всё: заряженный «Громовержец» лёг в подмышечную кобуру под плащом, «Шершень» на пояс справа, чёрный тесак за спину, два латунных ускорителя заряжания с патронами для барабана, россыпь запасных пуль и свежие энергоячейки к «Шершню» разошлись по внутренним карманам.

Уже закрывая стенной сейф, он снова задел взглядом плоскую жестяную коробку у задней стенки. Замер на пару мгновений. Вспомнил ноющее жжение под левым плечом, о котором предупреждал Марек, вспомнил сиреневую дымку в четвёртой насосной и то, как легко три дня назад заклинил его протез. Если в «Сиреневом Зове» его действительно ждёт кто-то из «АстраТеха» с эфирной начинкой, одного свинца может не хватить.

Он вытащил жестянку, откинул ржавую крышку. Внутри на клочке серой ваты лежали оплавленный осколок дугового резака и тонкий сухой ольховый лист, по которому едва заметно поблёскивала серебряная паутинка рун. Кайлан осторожно взял лист двумя пальцами живой руки. Черенок и жилки не крошились, гнулись, как у свежесорванного, и от листа, как шестнадцать лет назад в сырой бетонной трубе, потянуло слабым, живым теплом.

— Блажь старушечья, — буркнул он сам себе, но лист обратно в жестянку не положил. Аккуратно, стараясь не помять, спрятал его во внутренний нагрудный карман промасленного плаща и захлопнул сейф.

Но соваться в чужую ловушку совсем вслепую он не собирался: не мальчишка уже. Перед самым выходом Кайлан подошёл к старому коммуникатору, переключил его на резервную зашифрованную частоту Бруннара и набил лаконичную страховочную метку: *«Заказ Дома д'Элир, клуб „Сиреневый Зов", 116-й ярус. Если не выйду на связь к утру, копай оттуда. Пластина из седьмого в моём сейфе, код знаешь»*. Подождал, пока на экране вспыхнет синяя галочка доставки, погасил свет и вышел из комнаты. На этот раз не через бельевой спуск, а открыто, прямо мимо заклеенного свинцовой фольгой маячка на перилах.

Раз уж звали в гости, пусть видят, что гость выехал.

***

Подъём из Жёлоба к верхнему краю Среднего кольца занимал почти полчаса на скоростном канатном экспрессе с одной пересадкой и по ощущениям напоминал всплытие со дна мазутной бочки в чужую, слишком дорогую витрину.

На пятидесятом ярусе за бронированным стеклом вагона оборвалась вечная жёлтая взвесь заводского дыма; на девяностом проступили просветы настоящего ночного неба, затянутого фиолетовыми отсветами куполов Элизиума. Когда двери экспресса с мягким пневматическим шипением разъехались на платформе сто шестнадцатого яруса — последнего рубежа перед закрытой границей Высших Террас, — Кайлану поначалу даже стало не по себе от тишины и запаха. Над выходом с платформы тускло светился золотой циферблат: двадцать минут двенадцатого. Дождь шёл и здесь, но вода, проходя через верхние ионные фильтры, почти не пахла серой: в прохладном воздухе висел слабый, искусственный аромат мокрой хвои и дорогого озонированного кондиционирования.

Широкий проспект, выложенный тёмными базальтовыми плитами, блестел, как свежевымытое зеркало. Вместо ржавых труб и облупленных вывесок над головой бесшумно скользили обтекаемые поезда на магнитной подушке, а на фасадах стеклянных башен плавно переливались золотые эльфийские руны и строгие голографические эмблемы торговых домов. По краю тротуара неспешно прошагал парный патруль корпоративной охраны в безукоризненно чистой тёмно-синей броне; один из бойцов скользнул равнодушным взглядом по потёртому промасленному плащу Кайлана, задержался на его грубых сапогах и отвернулся, увидев на своём визоре высший гостевой пропуск Дома д'Элир, который Кайлан заранее выставил на открытый отклик комлинка. Деньги и фамилии на подступах к Элизиуму действовали безотказно.

Клуб «Сиреневый Зов» располагался в самом конце тихого квартала, на стыке сто шестнадцатого яруса и закрытых лифтов, ведущих ещё на четыре этажа выше, под прозрачные купола Элизиума. Это заведение не кричало о себе неоном. Наоборот, оно демонстративно презирало дешёвую суету мегаполиса. Весь фасад старинного, облицованного чёрным камнем особняка был увит живой стеной из генно-модифицированной фиолетовой глицинии. В темноте её тяжёлые гроздья слабо, лениво фосфоресцировали сиреневым светом, пульсируя в такт далёкому, приглушённому низкочастотному басу, доносившемуся из-за стен.

У входа, под высокой аркой из кованого титана, скрученного в подобие тонких древесных ветвей, змеилась небольшая, подчёркнуто дорого одетая очередь: молодые клерки из верхних корпораций, пара расфуфыренных полукровок с золочёными висками, несколько подвыпив-

ших наследников купеческих фирм. Все они терпеливо переминались под зонтами перед двумя охранниками, которые смотрели на толпу с таким каменным, музейным отвращением, будто стояли на входе в храм, осаждённый стадом свиней.

Охранники были чистокровными эльфами: высокие, худощавые, с узкими, выточенными из бледного алебастра лицами и длинными серебряными волосами, убранными под воротники безупречных чёрных сюртуков из матовой ткани, поглощавшей свет. Ни одного видимого импланта, ни грамма хрома. Только тонкие серебряные кольца-фокусировщики на пальцах да лёгкое, еле уловимое мерцание защитного плетения, которое «Сокол-2М» тут же отметил у них на груди бледной голубой дугой.

Кайлан остановился на противоположной стороне площади, в глубокой тени гранитной арки напротив, и пару минут просто смотрел. «Сокол» методично прочёсывал соседние крыши, тёмные арки переулка, припаркованные вдоль тротуара чёрные седаны с тонированными стёклами. Никакой явной засады на улице не было: только двое скучающих водителей курили у служебного въезда за углом да камера над чёрным ходом тихо покачивала объективом, та самая, с которой сняли кадр из досье.

Он привычно проверил, легко ли ходит в кобуре рукоять «Громовержца», чуть повёл левым плечом (свежая втулка Марека работала беззвучно) и почувствовал через плотную подкладку плаща едва заметное, живое тепло ольхового листа у самой груди.

— Ну, здравствуй, высший свет, — тихо пробормотал Кайлан, поднимая жёсткий воротник плаща.

Он пересёк залитый сиреневыми отражениями проспект, обошёл застывшую у бархатного шнура очередь под возмущённое шипение какого-то надушенного хлыща и вышел прямо к арке из титановых ветвей.

Ближайший эльф даже не повернул головы. Лишь чуть повёл холодными светлыми глазами в сторону его грязных сапог и сказал голосом, в котором звенел чистый, отборный лёд:

— Вход для прислуги и поставщиков со двора, человек. Впрочем, сомневаюсь, что и там найдётся дело для вашего… облика.

— А я и не поставщик, — спокойно ответил Кайлан, не сбавляя шага, и беззвучной мысленной командой швырнул на личный сканер охранника шифрованный ключ-пропуск Дома д’Элир. — Меня ждут.

На крохотном кристалле в ухе эльфа мигнул зелёный огонёк подтверждения, а встроенная в титановую арку скрытая рамка оружейного досмотра с тихим щелчком погасла: старая привилегия личных порученцев Великих Домов, которым позволялось проходить со своим железом. Охранник замер, и теперь оба чистокровных уставились прямо на Кайлана пристально, оценивающе. Заметили человеческую грубоватость подбородка, шрам у правой брови, тусклый синий блеск киберглаза, скрытый вес титанового протеза под левым рукавом и выбившиеся из-под мокрого воротника острые кончики эльфийских ушей. Холодное презрение на их мраморных лицах сменилось чем-то куда более острым: той особенной, брезгливой настороженностью, с какой породистая борзая смотрит на старого, израненного полуволка, забредшего на хозяйский двор.

Второй охранник чуть шевельнул пальцами в серебряных кольцах, но первый едва заметно качнул головой и молча отстегнул бархатный шнур, отступая на полшага в сторону.

— Дом д’Элир просит соблюдать тишину, — предупредил он сквозь зубы, когда Кайлан проходил мимо. — Не задерживайтесь в общем зале дольше необходимого, полукровка.

— Постараюсь не запачкать вам ковёр, — не оборачиваясь, ответил Кайлан и толкнул обитую тёмной кожей дверь «Сиреневого Зова».

Глава 4. Сиреневый Зов

«„Сиреневый Зов“ — единственное место в Астра-Полисе, где наследники Великих Домов могут вдыхать воздух Среднего кольца, не рискуя испачкать шёлковые туфли. Говорят, по четвергам туда спускаются даже члены Совета. Правда, только в масках и только через чёрный ход.»

Светская хроника гологазеты «Зеркало Террас», выпуск № 418.

Стоило обитой тёмной кожей двери захлопнуться за спиной Кайлана, как мокрый гул проспекта отрезало наглухо, а на смену ему навалился густой, тёплый, приторный полумрак.

Здесь не было привычного для нижних ярусов долбящего техно, от которого дребезжат зубы и сводит живот. Под высоким сводчатым потолком, затянутым тёмным бархатом и гирляндами тусклых люминесцентных цветов, плыл сложный, вязкий эмбиент: протяжные подводные переливы цифровых арф сплетались с мягким, телесным гулом басовых излучателей, вмонтированных прямо в чёрный каменный пол. Воздух стоял плотный и сладкий: в высоких бронзовых чашах вдоль стен тлел дорогой эльфийский фимиам из сушёного можжевельника, горькой смолы и экзотических пряностей, от которого после сырого воздуха Жёлоба почти сразу начинало першить в горле.

Главного освещения в зале почти не держали. Всю эту вычурную, томную полутьму подсвечивали сами гости: по мягким коврам и вокруг невысоких подиумов скользили силуэты с тонкими биолюминесцентными нитями под кожей скул, серебряными диадемами и кристаллическими подвесками, переливавшимися холодным лунным огнём. Больше половины публики составляли эльфы, в основном золотая молодёжь Элизиума, вырвавшаяся из-под присмотра старейшин пощекотать нервы в «приличном притоне». Они двигались плавно, как на закрытом балу, потягивали из тончайших хрустальных бокалов переливчатые коктейли, и смех их звучал красиво, мелодично и совершенно мёртво, как звон подвешенных на сквозняке стекляшек. Среди них то и дело мелькали человеческие лица: лощёные корпоративные брокеры, юристы с верхних этажей, пара-тройка богатых полукровок с тщательно зашлифованными ушами, готовых выложить годовой заработок техника только за право постоять рядом с чистокровными за одним столиком.

Кайлан прошёл вглубь зала, чувствуя, как на него тут же покосились с ближайшего дивана: две эльфийки в полупрозрачных серебристых накидках оборвали шёпот, проводили брезгливыми взглядами его сырой промасленный плащ и демонстративно отвернулись к своим бокалам. Где-то глубоко внутри, в той части его памяти, которая ещё хранила мягкий голос матери и её редкие рассказы о старых, неиспорченных городом рощах, глухо кольнула застарелая тоска. От этой стерильной, надушенной пародии на древнюю кровь хотелось сплюнуть на пол. А другая его половина, выросшая на сорок седьмом ярусе, только криво усмехнулась: красивые куклы, и каждая вторая удавится за лишнюю строчку в завещании.

Он перевёл «Сокол-2М» в пассивный режим сканирования, без активного луча, чтобы не засветиться на клубных детекторах охраны. На сетчатке тихо заструились данные: трое охранников у дальних лож, один на антресоли за пультом, двое неприметных мужчин в строгих серых костюмах у колонны слева, которые слишком напряжённо держали руки у бортов пиджаков и вообще не притрагивались к своим стаканам. *«Корпоративные,* — машинально отметил Кайлан. — *Не клубные. И следят они за главным выходом.»*

Он не стал поворачивать головы в их сторону и неспешной, размашистой походкой, намеренно не скрадывая шагов, двинулся к длинной полукруглой барной стойке из полированного чёрного обсидиана. Единственному месту в этом храме утончённой скуки, где всегда говорят лишнее, если знать, на какую мозоль надавить.

За стойкой, среди рядов хрустальных графинов и светящихся сифонов, стоял высокий, тонкогубый эльф с зачёсанными назад пепельными волосами и антикварными серебряными запонками на белоснежных манжетах. На его алебастровом лице не дрогнул ни один мускул, когда Кайлан опустился на высокий барный стул и положил локти на зеркальный чёрный камень.

— Доброй ночи, — сказал бармен с такой выверенной, отмороженной вежливостью, с какой объявляют об эвакуации бродячей собаки. — Боюсь, наша винная карта покажется вам… непривычной. Возможно, вам будет комфортнее в одном из заведений тремя десятками ярусов ниже?

— Если я захочу выпить «Ржавца» из грязного стакана, я тебя не спрошу, — спокойно ответил Кайлан, глядя прямо в узкие светлые глаза эльфа. — Наливать не надо. Мне нужна информация. Лираэль д'Элир. Была здесь позавчера вечером.

Бармен даже не моргнул. Лицо его осталось невозмутимой мраморной маской, но «Сокол-2М» послушно поймал микроскопическую реакцию: зрачки эльфа дёрнулись, сузившись, а пульс в тонкой жилке на его шее подскочил с шестидесяти до девяноста двух ударов в минуту.

— Мы не обсуждаем имена наших гостей, — невозмутимо ответил он, отворачиваясь к стойке с бокалами и принимаясь неторопливо протирать белой салфеткой уже идеально чистое стекло. — И я не обязан помнить каждое лицо, заглянувшее на бокал лунного вина. Всего хорошего.

Кайлан не стал повышать голос и не потянулся к кобуре. В «Сиреневом Зове» на грубую силу тут же сбежится охрана с боевыми фокусировщиками, да и пугать чистокровного пистолетом в переполненном зале было глупо. Вместо этого он положил на чёрную обсидиановую столешницу правую, живую ладонь, а рядом, с отчётливым железным стуком, выложил из-под мокрого рукава левый протез.

Матовый, исцарапанный титан «Когтя», со свежим швом серого герметика на стыке и тёмным следом дугового ожога из Сектора 7, смотрелся на зеркальном обсидиане, как ржавый капкан на шёлковой простыне. Кайлан чуть согнул указательный стальной палец и размеренно провёл его гранью по полированному камню, оставляя едва заметную белёсую царапину. А потом тихо постучал по стойке. Раз. Второй. Третий.

Тук. Тук. Тук.

Бармен замер с салфеткой в руках. Его взгляд против воли соскользнул вниз, на уродливый, пропахший сырой смазкой и канавой протез, на тоненькую царапину на бесценном обсидиане, потом поднялся к синему мёртвому блеску «Сокола-2М» и острому кончику уха, торчавшему из-под промасленного воротника. Кайлан отлично знал, что на самом деле пугает этих тепличных аристократов больше всего на свете: вовсе не смерть и не выстрелы, а вот эта грязь с нижних ярусов, которая вдруг перестала знать своё место и пришла прямо к ним за стойку, принеся с собой запах дождя, крови и дешёвого железа.

Кайлан чуть повернул правое запястье, проецируя прямо на чёрный камень между ними крохотную золотую печать шифрованного ключа Дома д'Элир, и наклонился через стойку, понизив голос до хриплого шёпота:

— Подумай ещё раз, любезный. Девочка из Дома д'Элир. Пепельные волосы обрезаны до плеч, шрамик под левой ключицей, взгляд такой, будто ей всё здесь поперёк горла. Пропуск и полномочия её отца ты видишь сам. А теперь прикинь, что случится, если наследницу советника найдут мёртвой в подсобке твоего клуба или в ближайшей канаве: стража Дома д'Элир разберёт это заведение по камушку — и тебя заодно, по косточкам, — быстрее, чем корпоративная служба безопасности успеет выписать тебе билет на другой ярус. Оно тебе надо?

Тонкие губы эльфа заметно побелели. Он покосился через зал — туда, где у бархатной занавеси четвёртой закрытой ложи неподвижно дежурили двое охранников, — потом наклонился ближе, делая вид, что ставит перед Кайланом пустую салфетку и стакан воды.

— Уберите руку со стойки, — прошипел он еле слышно, сквозь зубы. — Вы портите камень… Хорошо. Да, она бывала здесь. Последний месяц почти каждую неделю. Сначала я думал, обычная дурь молодых из Элизиума: спуститься пониже, поиграть в бедность, позлить старейшин. Но она почти не пила и ни с кем не танцевала.

— А что она делала? — тихо спросил Кайлан, наконец убирая стальной палец с обсидиана.

— Сидела в крайнем углу, у дальних ширм, и ждала одного человека, — быстро, нервно зашептал бармен, косясь по сторонам. — Тихого такого человечишку в помятом сером пиджаке, с бегающими глазками и вечно потным лбом. По виду мелкий клерк или лаборант из корпоративных. Он дважды передавал ей что-то под столом, в плоском футляре. А на прошлой неделе клерк не пришёл. Пропал.

«Ага, — промелькнуло в голове у Кайлана. — *Так вот зачем наследница Дома д'Элир таскалась в Среднее кольцо. Никаких „сомнительных друзей" и скуки. Она покупала у кого-то слив.»*

— Что было позавчера? — надавил он.

— Она прождала своего информатора до полуночи, вся на иголках, два раза ходила к служебному телефону, — голос бармена сел от страха. — А потом к её столику подошёл *другой*. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто и шляпе, лица я толком не разобрал. Он не заказывал ничего, только кинул мне на стойку старую золотую монету, ещё допрорывной чеканки, за тишину. Когда он прошёл мимо меня, от него пахло… не как от живого. Никакого парфюма. Только медными опилками, как из мастерской, и сухой грозой, аж волоски на руках дыбом встали.

— Она ушла с ним добровольно?

— Сначала спорила, хотела встать, — бармен нервно сглотнул. — Но он сказал ей что-то очень тихо, прямо на ухо, и показал маленькую стеклянную капсулу с каким-то чипом внутри. Она побелела, как полотно. Потом они поднялись и пошли не к главному выходу, а через чёрный ход… и когда он помогал ей накинуть жакет, манжета у него задралась. — Эльф невольно поёжился. — Рука у него была механическая. Но не такая, как ваша… слишком гладкая, чёрная с хромом, как живая. А на запястье клеймо. Спираль.

— Куда ведёт коридор за четвёртой ложей? — резко спросил Кайлан, уже чувствуя затылком, как вокруг зала начинает меняться ритм.

Но бармен не успел ответить.

Музыка под сводом вдруг сменилась: арфы оборвались на высокой вибрирующей ноте, свет в зале приглушили ещё сильнее, и на невысокий подиум в центре вышла пара танцовщиц в люминесцентных вуалях. Праздная толпа, зашелестев шёлком и смешками, дружно качнулась ближе к центру, наглухо перекрыв узкий проход между баром и закрытыми ложами. Кто-то в дорогом пиджаке, явно не случайно, довольно грубо толкнул Кайлана плечом, извиняясь слишком громким, фальшивым голосом и заслоняя обзор.

Секундой позже, когда Кайлан жёстко отстранил назойливого гуляку локтем и снова повернулся к стойке, за обсидиановой плитой никого не было. Дверца в служебную подсобку ещё едва заметно покачивалась.

— Спугнули, гада, — негромко выругался Кайлан, соскальзывая со стула.

Он переключил «Сокол-2М» на тепловой контур: сквозь полупрозрачную перегородку подсобки было видно, как быстро удаляется к чёрной лестнице одинокий тёплый силуэт бармена. Эльф драпал со всех ног, понимая, что только что наговорил себе на смертный приговор. Но не бармен заставил Кайлана замереть на полшаге.

Напротив, в тридцати шагах сквозь редкую дымку благовоний, прямо у плотной сливово-бархатной портьеры, закрывавшей вход в четвёртую приватную ложу, стоял человек.

Высокий. Широкоплечий, слишком массивный для любого чистокровного эльфа. В длинном тёмном пальто строгого кроя, наглухо застёгнутом до подбородка, со шляпой, надвинутой на самые брови. Он не танцевал, не держал бокала и не разговаривал ни с кем из гостей. Одна его рука в безукоризненной белой лайковой перчатке — сквозь тонкую кожу всё равно проступали острые, рубленые грани металлических фаланг — спокойно лежала на краю бархата.

Незнакомец смотрел через весь переполненный, полутёмный зал прямо на Кайлана. Точно в его кибернетический глаз.

Они смотрели друг на друга пару долгих секунд. Потом человек в пальто коротко, учтиво наклонил голову, как вежливый хозяин, приглашающий гостя пройти в кабинет, мягко отвёл портьеру и исчез в темноте за ней.

Кайлан покосился в сторону главного входа. Те двое неприметных мужчин в серых костюмах у колонны уже сдвинулись с места и неспешным прогулочным шагом перекрыли подход к входным дверям. Третий, которого Кайлан заметил только сейчас, вышел из тени у гардероба.

Обратной дороги не было. Прорываться через главный зал со стрельбой означало устроить бойню посреди сотни богатеньких эльфийских отпрысков и поднять на уши всю стражу Среднего кольца за три минуты. А за сливовой портьерой была тишина. И была Лираэль — или то, что от неё осталось.

— Вот же суки, — беззлобно хмыкнул Кайлан. — Всё как по нотам расписали.

Он расстегнул пуговицу плаща над подмышечной кобурой, убедился, что рукоять «Громовержца» ложится в ладонь свободно, проверил свободный ход барабана и защёлку рамы и, пробираясь сквозь лениво покачивающиеся пары, пошёл прямо к четвёртой ложе.

***

Стоило откинуть тяжёлый бархат портьеры, как сладкий аромат фимиама и переливы цифровых арф исчезли, словно их прихлопнули бетонной плитой.

Никакой приватной ложи за занавесью не оказалось: только пустая проходная комната с двумя дешёвыми диванами для отвода глаз да неприметная, замаскированная под стеновую панель стальная дверь в глубине, распахнутая ровно на ширину ладони. За ней уходил вглубь старого фундамента узкий, выкрашенный облупленной серой краской технический коридор, не имевший ни малейшего отношения к эльфийской эстетике. Здесь пахло не можжевельником, а холодным стерильным антисептиком, перегретым трансформаторным маслом и тем самым резким, колючим привкусом горелого серебра, который Кайлан уже выучил наизусть в четвёртой насосной.

Он бесшумно прикрыл за собой панель, достал «Громовержец» (в этом сухом бетонном коридоре метана не было, зато наверняка водилась серьёзная броня) и скользнул вдоль стены, прижимаясь к холодной штукатурке.

«Сокол-2М» работал на пределе, фильтруя темноту и высвечивая детали на полу. Среди бетонной пыли отчётливо тянулись следы тяжёлой тележки на резиновых колёсах, а рядом, у самого плинтуса, две свежие, тонкие оплавленные царапины, как от задевшего стену перегретого манипулятора.

Коридор круто сворачивал налево, спускаясь по короткому пологому пандусу в подвальный ярус особняка, и упирался в массивную противопожарную дверь с электронным кодовым замком. Замок был разблокирован, красная лампочка погашена, а сама дверь оставлена приоткрытой на два пальца. Из узкой щели на бетонный пол падала резкая полоса холодного хирургического света и доносились голоса.

Один — плоский, механически отшлифованный, чуть хриплый от работы дешёвого голосового модуля, без живых интонаций.

— …повторяю запрос, госпожа д’Элир. Обыск ваших вещей результата не дал. Укажите местонахождение кварцевого носителя проекта «Возрождение». Сплав наручников экранирован глухим свинцом; попытки тянуть Эфир приведут только к откату и кровоизлиянию. У вас две минуты.

Второй голос — женский, молодой, дрожащий от ярости куда сильнее, чем от страха — ответил ему с той звенящей, ядовитой брезгливостью, какой в Элизиуме учат с первого столетия жизни:

— Ты переходишь черту, заводская кукла. Ни один цепной пёс корпорации не смеет прикасаться к крови Великого Дома. Когда в Совете узнают, что «АстраТех» устроил застенок под сто шестнадцатым ярусом…

— Справка, — бесстрастно перебил голосовой модуль. — Советник Теландир д’Элир утвердил закрытый протокол «Санаторий» вчера в девять ноль-ноль. Официальный розыск аннулирован. Лаборант Артур Вейс изъят. Передайте носитель добровольно, либо я перейду к принудительной калибровке и забору кортикальной пробы по директиве Доктора.

— Ложь, — голос Лираэль дрогнул, выдав страшную, стылую трещину за всей её аристократической бронёй. — Ты лжёшь… Он не мог… он не подписал бы…

— Допуск заверен личной печатью главы Дома, — отчеканил модуль. — Отказ зафиксирован. Перехожу ко второй стадии протокола.

Кайлан осторожно прильнул к щели.

Помещение за дверью было похоже на переоборудованный под походную операционную винный погреб. Вдоль сырых кирпичных стен стояли портативные стеллажи с металлическими кейсами, контейнерами и переносными мониторами, по экранам которых бежали зелёные синусоиды; с потолка, на массивной стальной шарнирной консоли, подключённой к силовому распределительному щитку, свисала ослепительная бестеневая лампа в центре.

Под лампой, на узком стальном хирургическом столе, лежала Лираэль д’Элир. Её тёмное шёлковое платье было надорвано на плече, пепельные волосы растрепались по клеёнке, а запястья и щиколотки намертво пристёгивали к раме массивные серые браслеты из глухого свинцового сплава. Она выгибалась, сжимая челюсти так, что на скулах перекатывались желваки, а вокруг её скованных пальцев то и дело вспыхивали и тут же с шипением гасли жалкие золотистые искорки: свинцовый контур действительно давил её магию на корню. На металлическом стуле чуть в стороне валялся её скомканный короткий чёрный жакет с тонкой серебряной вышивкой на вороте. Карманы были вывернуты наизнанку, но сама подкладка оставалась целой.

А над столом, повернувшись к двери вполоборота, стоял тот самый спутник из зала.

Тёмное пальто и шляпа были аккуратно переброшены через спинку второго стула. То, что скрывалось под ними, заставило Кайлана втянуть воздух сквозь зубы.

Перед ним был не кибер-зомби из канализации, собранный из обрезков на скорую руку, и не обычный наёмник с парочкой дорогих протезов. Перед ним стоял шедевр закрытой военной кибернетики «АстраТеха». Всё его тело ниже шеи представляло собой обтекаемую, идеально выверенную конструкцию из матового чёрного эбонита, полированного хрома и уложенных под полупрозрачными щитками жгутов искусственных мышц. Правая рука, которую Кайлан видел на записи и в белой перчатке, была развёрнута в рабочий режим: из суставчатых металлических пальцев выдвинулись тончайшие микроскальпели, лазерный коагулятор и пара гибких стальных щупов с инъекторами, на запястье чётко темнела спираль «АстраТеха».

Но страшнее всего было лицо.

Верхнюю половину черепа и область глаз закрывала гладкая тёмно-серая композитная маска с узкой матовой окулярной щелью, из правой половины которой сочилось холодное, абсолютно неживое синее свечение оптики. А вот ниже скул, вокруг неподвижного тонкого рта

и тяжёлого подбородка, оставалась настоящая живая человеческая кожа, мертвенно-бледная и стянутая нитями хирургических швов.

На левой щеке, прямо под границей серой маски, белел старый, глубокий зубчатый шрам.

У Кайлана перехватило дыхание, а в глубине памяти щёлкнул какой-то ржавый, давно заклинивший замок. Разбираться сейчас было некогда. Хромированный оперативник поднял правый манипулятор, на кончике тонкого щупа зажёгся режущий оранжевый огонёк коагулятора, и рука плавно опустилась к виску привязанной эльфийки.

— Начинаю забор кортикального образца, — бесстрастно объявил голосовой модуль. — Сохраняйте неподвижность.

Кайлан медленно перевёл дух, с чётким металлическим щелчком взвёл курок «Громовержца» и со всей силы врезал подошвой сапога в приоткрытую стальную дверь.

Дверь с пушечным грохотом шарахнулась о кирпичную стену. Кайлан шагнул на порог, выставляя массивный ствол прямо в центр чёрной эбонитовой груди.

— Эй, хирург! — рявкнул он, перекрывая эхо удара. — Отошёл от стола. И руки так, чтобы я видел все твои грёбаные скальпели!

И, не дожидаясь, пока эта машина ответит, нажал на спуск.

Глава 5. Полевой тест

«Объект „Химера-0“: экспериментальная платформа полевого перехвата на базе частично сохранённого биологического носителя с подавленной высшей нервной деятельностью. Автономность — 96 часов. Назначение: ликвидация утечек, захват приоритетных биоактивов, полевое провоцирование латентных эфирных носителей.»

Из спецификации закрытого архива «АстраТеха», гриф «Чёрная спираль».

В тесном кирпичном подвале выстрел «Громовержца» ударил по ушам, как взрыв гранаты.

Вольфрамово-серебряная пуля с индукционным подхватом пролетела пять метров за неуловимый миг и врезалась точно в центр чёрной эбонитовой груди. Брызнул сноп белых искр, матовая пластина треснула крест-накрест, обнажив под собой слоёную керамическую броню и тускло блеснувший резонансный датчик-регистратор. От удара такого калибра обычного боевого дрона переломило бы пополам, а человека в лёгком бронежилете впечатало бы в дальнюю стену.

Киборг лишь качнулся на полшага назад, мягко спружинив в хромированных коленях.

Узкая матовая окулярная щель под серой маской без спешки и злости повернулась к порогу; справа внутри прорези стрекотнула фокусирующая линза, вспыхнув холодным синим огнём. В бледной нижней половине лица не дрогнул ни один мускул: даже зубчатый шрам под левой скулой остался мёртвым и неподвижным, как на восковой кукле.

— Субъект: Кайлан Вейн, — выдал голосовой модуль на шее машины плоским, жестяным тоном. — Расчётная вероятность прибытия по запросу советника д’Элир: восемьдесят два процента. Корректировка директивы: приоритетный объект вошёл в зону перехвата.

Лираэль на хирургическом столе дёрнула головой, уставившись на Кайлана расширенными от шока глазами, но закричать не успела: оперативник не стал ни доставать пистолет, ни читать длинных речей. Он просто сдвинулся с места с той жуткой, бесшумной, рывковой скоростью, на какую неспособны живые сухожилия.

Левая рука киборга, до этого сжатая в гладкий эбонитовый кулак, раскрылась с резким щелчком, и из-под металлических подушечек пальцев хлестнул веер тончайших, почти невидимых в ярком свете бестеневой лампы нитей раскалённой мономолекулярной проволоки под напряжением.

Кайлан рванулся влево на одном чутье, даже не успев подумать, а просто поймав боковым зрением «Сокола» резкий скачок температуры в воздухе.

Уйти он успел на волосок. Три сияющие белым нити полоснули по тому месту, где мгновение назад была его грудь, и с противным, режущим визгом вошли в стальной косяк позади него, располосовав дверную коробку и кирпич на два дюйма в глубину, как тёплое масло. Запахло плавленой сталью и жжёной извёсткой.

Он вскинул «Громовержец» и дважды выстрелил в упор, целясь в основание шеи, туда, где у твари из Сектора 7 было слабое место.

Первая пуля прошла впустую: агент ушёл с линии огня скупым, абсолютно механическим наклоном корпуса, который оптический целеуказатель «Сокола» даже не успел просчитать. Вторая чиркнула по правому наплечнику, выбив длинную рыжую искру и кусок чёрного композита, но ничуть не замедлила шаг машины.

— Калибр недостаточен для пробития внутреннего каркаса, — бесстрастно отчеканил голосовой модуль, пока киборг обходил хирургический стол с хищной, кошачьей лёгкостью. — Сопротивление нецелесообразно. Бросьте оружие.

— Да пошёл ты, — прорычал Кайлан, с силой толкая ногой металлическую тележку с медицинскими лотками прямо под ноги противнику.

Лотки, склянки и скальпели со звоном полетели во все стороны. Оперативник одним точным движением отбросил тележку в сторону, но того крохотного мига, пока в воздухе звенело битое стекло, Кайлану хватило, чтобы перекатиться за край стеллажа с контейнерами и выхватить глазами единственное преимущество в этой проклятой каменной коробке.

Прямо над головой приближавшегося киборга тянулась к потолку массивная стальная шарнирная консоль бестеневой хирургической лампы, запитанная толстым жгутом временных кабелей от настенного силового распределительного щитка.

Кайлан не стал тратить четвёртую пулю на эбонитовую броню. Он поднял ствол «Громовержца» вверх и выстрелил прямо в крепёжный узел консоли и прикрученный рядом распределительный щиток.

Щиток взорвался ослепительным каскадом белых искр и густого едкого дыма. Сорванная с анкеров стальная рама бестеневой лампы со скрежетом рухнула прямо на плечи киборга, захлестнув его оборванными силовыми кабелями под напряжением. По подвалу прошёл режущий дуговой треск, и верхний свет погас наглухо, бросив операционную в красноватый полумрак одних лишь аварийных диодов у пола.

Оптика агента захлебнулась перепадом от слепящего хирургического света к мраку и снопу искр; он дёрнулся, сбрасывая с плеч покорёженную стальную раму. Кайлан, уже перебросив «Сокол-2М» на тепловой контур, не стал ждать. Сунув револьвер в кобуру и выхватив из-за спины чёрный кованый тесак, он бросился в темноту прямо на раскалённый силуэт. Если пули не берут грудную плиту, значит, надо рубить в мягкие стыки: под колено, в локтевой шарнир, в жгуты под мышкой.

Он вынырнул из дымной завесы сбоку от сбрасывающего кабели киборга и рубанул снизу вверх, целясь в развёрнутый хирургический манипулятор правой руки.

Сталь визгнула о титановый сплав. Кайлан вложил в удар всю ярость и инерцию броска. Два тонких стальных щупа с микроскальпелями с треском отлетели в сторону, брызнув прозрачной смазкой, а увесистое лезвие скользнуло выше, оставив глубокую рваную борозду на чёрном эбоните ключицы.

Но ответ пришёл быстрее, чем он успел вернуть клинок в защиту.

Оперативник даже не развернулся полностью: просто хлестнул вслепую левой рукой с энергетическими нитями на звук удара, а следом, поршнем пресса, вбил хромированное колено Кайлану в правый бок.

Одна из раскалённых нитей чиркнула по касательной по внешней стороне его правого плеча и предплечья, пропарывая промасленную парусину плаща, рубаху и кожу глубокой, обжигающей полосой; сухожилия чудом остались целы, но резкую боль тут же накрыло противное электрическое онемение. Пальцы правой руки сами собой разжались, и чёрный тесак со звоном отлетел куда-то под стеллажи. А удар колена в рёбра вышиб из лёгких весь воздух до последней капли. Кайлана оторвало от пола и швырнуло спиной прямо в стальную раму хирургического стола.

Он рухнул на усыпанный битым стеклом и тёплым пеплом кафель, судорожно ловя ртом едкий от горелой изоляции воздух. Правая рука обвисла плетью, по разорванному рукаву плаща текла горячая липкая струйка; «Громовержец», выскользнувший из расстёгнутой кобуры при ударе, откатился на три метра в сторону, под перевёрнутую тележку.

Из дыма, неспешно стряхнув с предплечья обрывок искрящегося кабеля, выступил киборг. На его правой руке безжизненно болтались два перебитых щупа, из раны на ключице выбивался сизый дымок, но ни капли боли или спешки в его движениях не прибавилось.

— Лираэль! — хрипло крикнул Кайлан, откатываясь к стене и пытаясь левой, бионической рукой дотянуться хотя бы до «Шершня» на поясе. — Сделай что-нибудь! Ты же чистокровная, долбани по нему!

— Не могу, полукровка! — крикнула сверху девушка, отчаянно выгибаясь на столе и дёргая скованными руками, отчего массивные свинцовые браслеты звенели о стальную раму. Вокруг её кистей снова вспыхнули и тут же с треском рассыпались тонкие золотые искры, а из уголка её губ тонкой ниточкой потекла алая кровь от отката магии. — Эти свинцовые оковы гасят Эфир быстрее, чем я его тяну! И слушай меня: не стреляй в него больше! У него в груди резонансный датчик, я его чувствую сквозь металл! Он тебя не убивает, он тебя *провоцирует*!

Кайлан не успел даже осмыслить её слова.

Киборг шагнул вперёд, отшвырнул носком сапога его «Шершень» в дальний угол комнаты, нагнулся и железной левой рукой намертво перехватил Кайлана за горло, легко оторвав восемьдесят килограммов живого мяса и титана от пола и впечатав затылком в сырую кирпичную стену.

Затылок взорвался болью. Ноги Кайлана бессильно чиркнули носками по кафелю. Он вцепился пальцами «Когтя» в чёрное эбонитовое запястье противника, выкручивая сервоприводы на полную мощность. Титан завыл от натуги, свежая втулка Марека затрещала, но мёртвая хватка машины не ослабла ни на миллиметр.

Воздух кончался. Перед единственным живым глазом поплыли тёмные багровые круги.

Киборг придвинул свою серую композитную маску вплотную к его лицу. Справа за матовой окулярной щелью щёлкнула линза, и прямо по его лицу, по «Соколу-2М» и вниз, к титановому плечу «Когтя», скользнул узкий, режущий голубой луч диагностического сканера. В такой близости Кайлан вдруг снова увидел этот странный, мучительно знакомый зубчатый шрам под левой скулой на мёртво-бледной коже… где-то на самом краю угасающей памяти всплыл ноябрьский дождь и запах горького мятного корня, но задыхающийся мозг отказывался складывать обломки картинки.

— Пульс: сто семьдесят восемь. Адреналин на пике. Эфирный фон в плечевом сплетении нестабильный, — бесстрастно проскрипел голосовой модуль, диктуя запись в лабораторный журнал. — Параметры сопоставимы с архивным протоколом инцидента в Секторе 12. Инициирую предельную нагрузку для фиксации выброса.

Сектор 12.

Два слова пробили багровый туман удушья, как удар ледорубом.

Снова мокрый ноябрьский гравий. Снова белый провал справа, запах горелой ткани, лопнувший дуговой резак и прямая, спокойная спина матери, уходящая в белый свет фар. Они знали. Они *всегда* знали. Вся его грёбаная жизнь — шестнадцать лет в грязи Жёлоба, сломанное тело, глючащий старый протез, перехваченный сигнал в канализации и эта ловушка в подвале — была для них одной длинной строчкой в таблице измерений.

В груди, прямо там, где во внутреннем кармане плаща лежал сухой ольховый лист, вдруг вспыхнул обжигающий жар, как от раскалённого угля за пазухой.

Давняя колючая жгучесть под левым плечом, о которой три дня назад предупреждал Марек, перестала быть зудом. Она прорвала старую слюдяную пробку, рванулась вниз, по мёртвым медным жилам «Когтя», смешавшись с яростью, болью и слепым, животным желанием выжить. Кайлан не знал ни единого эльфийского заклинания, не умел плести аккуратные золотые нити, как Лираэль. Он просто судорожно втянул остаток хриплого воздуха в разрывающиеся лёгкие и со всей ненавистью вдавил левую, титановую ладонь прямо в треснутую грудную плиту киборга.

Никаких изящных плетений и распевных элизиумских слогов: только чудовищный внутренний разлом, как от пробоя высоковольтной подстанции прямо в грудной клетке.

Свежая слюдяная обмотка Марека внутри «Когтя» сгорела за секунду, выплюнув из щелей кожуха густую струю чёрного дыма и белых искр. «Сокол-2М» в правой глазнице завыл тонким, нестерпимым писком и окончательно потух, обжигая веко перегретым корпусом; из носа Кайлана на губы хлынула горячая солёная кровь. Нагрудный карман плаща жёг рёбра кус-

ком раскалённой жести, принимая на себя часть обратного удара, а вся дикая, неструктурированная волна Эфира, прошив титановый громоотвод руки, вырвалась через стальную ладонь наружу слепым тараном сжатого воздуха и трескучего белого огня.

Аварийные плафоны и стеклянные экраны мониторов по всему подвалу лопнули с оглушительным хлопком, оставив операционную в мигающих отсветах искрящегося щитка.

Хватка на горле Кайлана исчезла. Стовосьмидесятикилограммовую тушу оперативника оторвало от пола, как пустую картонную коробку, и швырнуло через всю ширину подвала, мимо хирургического стола, прямо в массивный стальной шкаф с реагентами у дальней стены. Шкаф сложился гармошкой; за спиной машины с грохотом пошла трещинами кирпичная кладка, осыпая пол дождём штукатурки и битого стекла.

Кайлан мешком сполз по сырой стене на кафель.

Мир перевернулся. Его вывернуло наизнанку горькой слюной и кровью; в голове гремел такой звон, словно кто-то методично колотил кувалдой по чугунному колоколу прямо у него между ушей. Левая рука, его верный битый «Коготь», лежала на полу безжизненным, дымящимся куском железа: из сочленений сочился едкий запах горелой изоляции, а пальцы заклинило в скрюченной, мёртвой судороге. Правая рука после удара энергетической нити горела огнём и едва слушалась.

Он попытался подняться на четвереньки и снова рухнул на бок, со свистом глотая пропитанный гарью воздух.

***

В дальнем углу комнаты, среди обломков покорёженного шкафа, скрежетнул металл.

Кайлан с трудом приподнял гудящую голову, глядя единственным зрячим глазом сквозь багровую пелену. Киборг выбирался из груды железа медленно, рывками, с явным нарушением координации. Левый наплечник был вдавлен внутрь, из рассечённого бока тоненькой струйкой капало тёмное масло, а из-под треснутой грудной плиты валил сизый дым: дикий эфирный удар Кайлана всё-таки пробил его силовой стабилизатор. Правый окуляр за матовой щелью несколько раз мигнул, переключившись с холодного синего на тревожный жёлтый свет аварийного перегрева.

Машина выпрямилась, судорожно дёрнувшись правым плечом, и повернула серую маску сначала к распростёртому на полу Кайлану, потом к притихшей на столе Лираэль.

— Аномальный резонанс подтверждён… критический перегрев стабилизатора, — с отчётливым металлическим треском и сбоями отчеканил голосовой модуль. — Спектральный профиль записан и сброшен на центральный узел. Превышение расчётного порога: тридцать четыре процента. Требуется экстренная перезагрузка контура. Группа «Эгида», сектор подвала: объекты удерживать любыми средствами, при сопротивлении огонь на подавление. Перехожу к отходу.

Лираэль на столе ахнула. А Кайлан, лёжа на холодном кафеле в луже битого стекла и собственной крови, вдруг с мучительной, режущей ясностью сложил в голове всю картину: корпорация не подбрасывала ему «АТ-09» в канализацию. Они просто перехватили сигнал паука из Сектора 7, узнали по биометрии генотип сына И-14 и не упустили случая совместить полевой тест с закрытой просьбой Теландира убрать неудобную дочь. Два зайца в одном подвале. Его сунули в клетку с боевой машиной и ткнули палкой, чтобы проверить, жив ли старый дар из Сектора 12.

И он зарычал. Прямо под объектив записывающего сканера.

Киборг левой рукой отцепил с пояса небольшой ребристый цилиндр и катнул его по полу в сторону Кайлана.

— Магниевая! Закрой глаза! — успела крикнуть Лираэль, зажмуриваясь.

Кайлан инстинктивно уткнулся лицом в сгиб правой руки, стиснув зубы от жжения в рассечённом предплечье. Подвал озарила яркая белая вспышка, ударил резкий шипящий хло-

пок: без ударной волны и осколков, плотная дымовая завеса с магниевой засветкой. Когда спустя пару секунд слёзы чуть отпустили его живой глаз, а едкий белый дым начал ползти к потолку, в дальнем углу уже никого не было. Стальная дверь запасного выхода, ведущего куда-то в подземный гараж, с лязгом захлопнулась, и над ней вспыхнул красный замок аварийной блокировки.

В разбитой операционной стало тихо. Только потрескивал обгоревший распределительный щиток на стене да в углу мигал треснутый монитор.

Кайлан пролежал на полу с полминуты, пережидая тошноту и глядя в потолок, по которому ползли полосы дыма от его собственного спалённого протеза. «Сокол-2М» в глазнице наконец с тихим писком ожил, прогнав по сетчатке целый водопад жёлтых ошибок о перегреве оптики и потере сопряжения с левой конечностью: «Коготь» был мёртв. Зато правая рука понемногу отходила от электрошока: рассечённая кожа на плече и предплечье горела огнём, но пальцы уже сжимались. А в голове всё ещё саднил странный, незакрытый вопрос: откуда на мёртвом лице этой машины тот самый зубчатый шрам под левой скулой? Ноябрьский дождь снова мелькнул где-то на периферии памяти и тут же утонул в звоне в ушах. Разбираться сейчас было некогда.

— Эй! — раздался сверху резкий, чуть дрожащий, но собранный, злой голос. — Эй, полукровка! Ты там жив или решил остаться здесь навсегда? Если можешь двигаться, будь так любезен, сними с меня эти оковы раньше, чем сюда спустятся бойцы «Эгиды» из верхнего зала!

Кайлан застонал, перекатился на живот и, опираясь правой рукой о скользкий пол сквозь жгучую боль в плече, подтянулся к ножке хирургического стола. Подобрал с пола свой чёрный тесак, дополз до угла за отброшенным «Шершнем» и сунул пистолет в поясную кобуру, потом дотянулся под перевёрнутую тележку за «Громовержцем» и заткнул револьвер за пояс.

Лираэль д’Элир смотрела на него сверху вниз. Вблизи она оказалась даже моложе, чем на голограмме: тонкое, породистое лицо, растрёпанные серебристые волосы, прилипшие к мокрому от пота лбу, и тонкая засохшая ниточка крови в уголке губ от эфирного отката. Но в светлых, с холодным серебристым отблеском глазах её не было ни слёз, ни благодарного трепета спасённой барышни. В них горела такая смесь злого испуга, острой настороженности и лихорадочно работающей мысли, что Кайлан сразу понял: пять тысяч кредитов за эту девицу ему не светят, а вот неприятностей хватит на годы вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.